

ВВЕДЕНИЕ

Минуло более двухсот лет со дня публикации первого труда, посвященного биографии выдающегося ученого, государственного деятеля и просветителя Димитрия Кантемира (1). Однако тема жизни, научного и литературного творчества, а также политической деятельности молдавского господаря продолжает оставаться предметом активного научного изучения, превратившись в самостоятельное направление исторической науки. Десятки обобщающих трудов и специальных монографических исследований, сотни научных и популярно-познавательных статей составляют настоящую библиотеку кантемироведения (2). Вместе с тем, вопреки многообразию изданных работ, огромное количество проблем и вопросов, касающихся жизни и творчества Димитрия Кантемира, осталось за рамками исследований — открывая тем самым широкий простор для всякого рода домыслов, гипотез и предположений, зачастую не имеющих под собой, никаких оснований. Авторство ряда ошибок и неточностей в биографии Д. Кантемира, с одной стороны, принадлежит самому князю, другие же явились плодом фантазии его современников или биографов (3). В любом случае кочующие из книги в книгу, из публикации, в публикацию они, в той или иной форме и комбинации, искажают истинное лицо и деяния этого великого человека, оставившего заметный след в политической, культурной и научной жизни Европы 1-й половины XVIII века.

На протяжении многих лет жизнь и судьба Димитрия Кантемира рассматривалась исследователями в рамках узконационального значения. Мы же видим его одним из наиболее ярких представителей совместного прошлого многих европейских стран, ученым мыслителем, энциклопедистом мирового уровня. Вместе с тем извлеченные из книго- и архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга и Стамбула документы и материалы позволяют воспроизвести более полный и глубокий образ Д. Кантемира не только в уже знакомой нам ипостаси

мыслителя и государственного деятеля, но также в его повседневной жизни — в кругу семьи и близких, в отношениях с покровителями и подчиненными, с приятелями и недругами.

Получивший образование в Константинополе — столице одной из крупнейших мировых цивилизаций, стоявшей на перекрестке многочисленных религий, языков и культур Д. Кантемир вобрал в себя, с одной стороны, утонченную мудрость, многообразие и колорит Востока, с другой — ученую книжность, энциклопедические познания и рациональную логику Запада. Именно этот симбиоз сформировал личность Д. Кантемира — первого европейского ученого-интеграциониста. Ему принадлежит первенство в создании фундаментальных трудов по политической, социальной и духовной истории Османской империи, которые в течение целого столетия служили настольными книгами для нескольких поколений европейских ученых. Кроме того, они на многие десятилетия определили направления, методы и содержание научных исследований европейской школы ориенталистики. Вместе с тем, в истории исторической науки России Димитрий Кантемир впервые выступил как исламовед, в том числе как корановед и суфиолог, арабист, иранист и тюрколог.

Обогадив европейскую науку новыми сведениями о Ближнем Востоке, Д. Кантемир в то же время внес неоценимый вклад в развитие музыкальной культуры Османской империи. Он был первым европейцем, кто ввел и начал распространение в пределах Порты нотных знаков и использовал их в создании собственных музыкальных пьес. Ему же принадлежит идея написания первого сборника музыкальных произведений турецких авторов конца XVII столетия.

Для своего времени Д. Кантемир представляет исключительное явление. В период военного и политического противостояния христианского Запада и мусульманского Востока он выполнял роль связующего звена между двумя великими культурами, взаимно обогатив их новыми знаниями, пробудив интерес и потребность к изучению и пониманию друг друга.

Заслуги Д. Кантемира перед мировой культурой, философской и исторической мыслью отнюдь не затмевают его деяний как верного сына и патриота Молдовы. Пожалуй, за всю 650-летнюю историю нашей страны его личность по масштабу и значимости сопоставима лишь со Штефаном Великим. Военным гением и политическим талантом «творя великие дела при малых возможностях», Штефан поставил Молдавское княжество в ряд значимых европейских государств второй половины XV — первой половины XVI века, заставив считаться с его интересами многие страны, превосходящие Молдову и размерами

территорий, и численностью войск. Именно при нем Европа узнала и заговорила о Молдавском княжестве, признав его деятельным и полноценным игроком на арене международных политических отношений.

Два столетия спустя этот же подвиг совершил Д. Кантемир. Однако в отличие от великого предшественника его оружием в достижении поставленной цели стали не острый меч и искусная дипломатия, а перо и бумага. Впервые после Штефана Великого, молдавский мыслитель своими трудами по философии, истории и географии заставил Европу говорить о Молдове. Именно он пробудил в выдающихся просветителях и энциклопедистах XVIII столетия живой интерес к этой земле и истории населяющего его народа.

Желая счастья и процветания своей родине, он стремился сделать ее свободной и просвещенной, достойной интереса и внимания политиков, исследователей, литераторов и путешественников. Однако понадобилось несколько столетий, чтобы эти мечты молдавского господаря и мыслителя начали претворяться в жизнь.

Автор настоящей публикации поставил перед собой многоплановую задачу, которая, в принципе, и определила структуру и содержание книги.

Первая часть представляет собой очерк биографии Димитрия Кантемира. На основе богатых архивных материалов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, опубликованных источников и научных исследований, предпринята попытка исправить явные неточности, ошибочные даты и факты жизни и деятельности молдавского господаря и мыслителя, осветить те страницы его биографии, которые по сей день вызывают дискуссии и различные толкования исследователей.

Во второй части представлены письма и бумаги, принадлежащие перу Димитрия Кантемира. Следует отметить, что подобного рода публикаций творческого и эпистолярного наследия молдавского мыслителя на русском языке еще не было. Вместе с тем автор счел уместным дополнить издаваемые материалы письмами и бумагами, адресованными молдавскому господарю со стороны монарших особ Российского государства, российских и зарубежных сановников и дипломатов, а также его служебной корреспонденцией и документами о движимом и недвижимом имении, вышедшими из стен Правительствующего Сената.

Сюда же наряду с перечисленными материалами мы посчитали нужным включить выдержки из официальных документов той эпохи, а также из воспоминаний современников, в которых упоминаются события, связанные с жизнью и деятельностью Димитрия Кантемира.

Помимо документов, впервые вводимых в научный оборот, нам показалось целесообразным поместить в данный том также те письма и бумаги Д. Кантемира (или же о нем), которые были когда-либо изданы, но в настоящее время стали библиографической редкостью.

Публикуемые материалы представлены в хронологическом порядке, с сохранением стиля и орфографии оригинала. Пропущенные или недостающие буквы и слова взяты в квадратные скобки. Каждый источник снабжен научно-справочным аппаратом с указанием исходных данных относительно его публикации. Архивные документы представлены с указанием места, наименования фонда и номера единицы хранения.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность сотрудникам и хранителям Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Архива внешней политики Российской Империи, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Рукописного отдела Российской государственной библиотеки (Москва), а также Османского архива при премьер-министре Республики Турция и Архива музейного комплекса тюркоязычных народов «Топкапы» (Стамбул) за оказанную помощь и содействие в работе по поиску и выявлению документов и бумаг, относящихся к жизни и деятельности Дмитрия Кантемира в Османской империи и России.

Особые слова благодарности приношу моим коллегам и друзьям, в первую очередь В.А. Артамонову, С.А. Мальшкину, Л.П. Заболотной, А. Ешану и В. Ешану С.Э. Эрлиху и С.В. Морарю за моральную поддержку и ценные замечания, высказанные в ходе работы над биографией Дмитрия Кантемира.

Естественно, эта книга не вышла бы в свет и не попала в руки любителей отечественной истории, не будь у меня терпеливого читателя и взыскательного критика, каковым является Лилия Александровна Цвиркун — друг, жена и помощник.

Автор далек от мысли, что настоящим исследованием заполнит все лакуны в многогранной и богатой событиями биографии Дмитрия Кантемира. Мы абсолютно уверены в том, что следующие поколения ученых продолжают поиск в книго- и архивохранилищах России, Турции, Украины, Австрии, Франции и других стран, где обнаружат новые документы и свидетельства таланта и творческого гения великого сына молдавского народа.

БИОГРАФИЯ ДИМИТРИЯ КАНТЕМИРА. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

История жизни, политической и литературной деятельности молдавского господаря, Светлейшего князя Российской и Священной Римской империй на протяжении многих десятилетий после его кончины не вызывала интереса исследователей. Единственным исключением можно считать книгу Михаила Схенда «О состоянии просвещения в России в 1725 году», написанную в Санкт-Петербурге летом того же года, но опубликованную лишь спустя столетие после смерти автора (4). Мы не найдем в ней неизвестных нам сведений из биографии великого мыслителя. Однако свидетельства и оценка современника Д. Кантемира о научном творчестве молдавского господаря и его вкладе в развитие русской культуры и исторической мысли 1-ой четверти XVIII века заслуживают особого внимания.

Характеризуя выдающиеся личности России эпохи Петра Великого, Михаил Схенда посвятил Димитрию Кантемиру следующие слова: «Жестокая судьба недавно лишила нас умнейшего автора творения „Возрастание и упадок Оттоманской империи“, но то, что он сделал, не даст ему умереть и за гробом продлит его жизнь. Тем более чести способностям Кантемира, что он среди всех ужасов притеснения со стороны турок успел заслужить славу умнейшего человека. Его произведение всегда будет иметь цену» (5). Последнее замечание особенно значимо, поскольку свидетельствует о том, что фундаментальный труд Дмитрия Кантемира «История возвышения и упадка Османской империи» был известен и знаком в многочисленных рукописных копиях интеллектуальным кругам России задолго до его издания в Англии (6).

После написания работы М. Схенда наступили десятилетия молчания о жизни и творчестве Димитрия Кантемира. С одной стороны, это объясняется отсутствием интереса в правящих кругах России в эпоху

дворцовых перевотов к историческому и литературному наследию светлейшего князя. С другой стороны, на протяжении нескольких десятилетий после смерти Петра I политическое положение и историческая судьба Молдавского и Валашского княжеств не значились среди приоритетных направлений российской внешней политики.

Лишь в последней трети XVIII столетия, в результате обострения военно-политического противостояния России и Турции и вовлечения в него народов Балкан и Дунайских княжеств, в российском обществе возникла потребность в трудах, освещающих историю этого региона и его политических деятелей. В качестве ответа на социально-политический запрос в 1783 году в Москве, в типографии Николая Новикова, была издана книга Т.З. Беера «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира». Спустя несколько лет, в 1789 году, там же был напечатан труд самого Дмитрия Кантемира под названием «Дмитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнью сочинителя».

Хотя в заглавии первой работы фигурирует имя князя Константина Кантемира, тем не менее главным действующим лицом повествования выступает его сын Дмитрий. Помимо ценных биографических сведений о молдавском господаре, в упомянутой работе впервые опубликованы оригинальные документы, в том числе выдержки из «Журнала Персидского похода», а также текст завещания князя (7).

К сожалению, после указанных публикаций личность Д. Кантемира надолго перестала быть предметом самостоятельного исследования и лишь упоминалась в различных работах общего характера, посвященных эпохе Петра Великого и сподвижникам российского монарха (8). Тем не менее в некоторых из них впервые опубликованы письма и бумаги молдавского господаря, адресованные царю, отдельным российским сановникам и членам Правительствующего Сената (9). Особую значимость для исследования взаимоотношений Дмитрия Кантемира с представителями центральных и местных органов власти Российского государства, его хозяйственно-экономической деятельности, а также состояния движимого и недвижимого имущества представляют материалы, изданные в собрании документов «Документы и приговоры Правительствующего Сената» (10).

Отдельную страницу в библиографии жизни и творчества Дмитрия Кантемира занимают работы энциклопедического и литературоведческого характера вышедшие, в XIX веке из-под пера выдающихся российских историков-архивистов и литераторов — Николая Нико-

лаевича и Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменских (11), П.П. Перкарского (12), а также В.Г. Белинского (13).

Благодаря им широкой читающей публике были представлены исторические очерки о династии Кантемиров в России, их роли и значении в политической, научной и культурной жизни российского общества первой половины XVIII века. Особое место в этих работах занимает освещение вклада представителей рода Кантемиров в становление и развитие русской классической литературы, а также в закладывание основ российской ориенталистики.

Новым импульсом в исследовании биографии молдавского господаря стали изыскания румынского историка Григория Точилеску, проведенные в течение 1877–1878 годов в государственных архивохранилищах Санкт-Петербурга и Москвы. Его стараниями были найдены и скопированы сотни документов, относящихся к древней истории Молдавского и Валашского княжеств. Особую значимость имеют обнаруженные им письма Дмитрия Кантемира, адресованные царствующим особам, сановным лицам и Правительствующему Сенату. Копии этих документов впоследствии составили отдельную коллекцию в хранилище рукописей Библиотеки Академии наук Румынии (14). К сожалению, Г. Точилеску ограничился лишь ролью изыскателя и копииста, оставив на долю других историков славу, лавры и почести первооткрывателей Кантемировых бумаг. К числу последних относится известный румынский историк Штефан Чобану, опубликовавший в Бухаресте в 1924 году конкурсную работу «Дмитрий Кантемир в России» (15), позволившую ему занять место действительного члена Академии.

Упомянутое издание с полным основанием можно отнести к новой точке отсчета в кантемироведении. Во-первых, автор изучил, перевел на румынский язык и опубликовал большую часть корреспонденции молдавского господаря, найденной Г. Точилеску. Во-вторых, стал первопроходцем в использовании эпистолярных документов как основного источника написания биографического очерка о Дмитрии Кантемире. В-третьих, он один из первых в румынской историографии использовал в изучении истории жизни и деятельности молдавского господаря весь доступный комплекс опубликованных источников у себя на родине и за рубежом. По сути дела, его работа стала альфой и омегой кантемироведения, а сам автор — непререкаемым авторитетом в этой области. Ни одно, мало-мальски значимое исследование не может умолчать о ней или обойти ее вниманием.

Вместе с тем, отдавая должное заслугам и вкладу Штефана Чобану в изучение жизни и деятельности Дмитрия Кантемира, следует

отметить тот факт, что ему же принадлежит и авторство многочисленных ошибок и нелепостей в описании биографии молдавского господаря. С одной стороны, существенным недостатком упомянутой работы является отсутствие научно-справочного аппарата: нет ссылок и указаний на то, где и в каких архивах и фондах хранятся публикуемые румынским историком документы. С другой стороны, не все представленные материалы являются аутентичными, поскольку автор «позволил себе вольность» вносить в них изменения, опуская целые абзацы, искажая имена и географические наименования, ошибочно датируя факты и события, допуская иногда искажение самого смысла документа (16).

Далеким от совершенства является и качество выполненного им перевода обнаруженных материалов с русского на румынский язык. К сожалению, допущенные Ш. Чобану различного рода ошибки и неточности перекочевали из его книги в многочисленные публикации кантемироведов, растиражировав их миллионами экземпляров. Тем не менее вплоть до настоящего времени упомянутая работа румынского автора остается, едва ли не единственным солидным собранием документов, освещающих жизнь и деятельность Димитрия Кантемира.

Новым этапом в изучении жизни и деятельности Д. Кантемира стало фундаментальное исследование румынского историка П.П. Панаитеску, опубликованное в Бухаресте в 1958 году (17). На основе огромного массива изданных документов и анализа работ своих предшественников он изложил человеческую и творческую биографию молдавского господаря в контексте событий и политических явлений того времени, а также впервые предпринял попытку представить историю создания основополагающих трудов молдавского мыслителя, провести детальный исторический и литературоведческий анализ каждого из них. По сути дела, упомянутое исследование П.П. Панаитеску без колебания можно отнести к лучшим образцам произведений научно-биографического жанра. Вместе с тем и оно грешит рядом неточностей и ошибок, вызванных, в первую очередь, отсутствием доступа к оригиналам документов Д. Кантемира и знакомства с ними. В противном случае не могли бы появиться утверждения вроде того, что «поселение в Украине выехавших с молдавским господарем молдаван представляло собой подобие государства в государстве» (18).

Далеким от истины представляется и суждение автора о значении женитьбы на княгине А. Трубецкой в политической карьере Д. Кантемира. Согласно ему «это обстоятельство давало возможность молдавскому князю претендовать на одну из ведущих ролей в управлении Российским государством» (19). В контексте этой идеи кажутся

необоснованными утверждения П. Панаитеску относительно романа Петра I с Марией Кантемир, который, по мнению автора, готов был перерасти в брачный союз (20). Заявления столь авторитетного в исторических кругах исследователя не могли быть голословными, не обопрись он на заслуживавшие, на его взгляд, доверия свидетельства и документы. К таковым П. Панаитеску отнес «Записки князя Петра Долгорукова» (21), в которых автор, повествуя о взаимоотношениях Петра I и Марии Кантемир, сообщал следующее: «...Заметив влечение царя к старшей дочери князя Кантемира Марии, П.А. Толстой так повел интригу, что чуть было не разлучил Петра с Екатериной и едва не женил его на княжне Марии. Но Екатерина подкупила врача семьи Кантемира грека Григория Поликала, который сделал девице выкидыш, лишив ее при этом возможности иметь когда-либо детей. Отец Кантемир с горя умер, а Толстой тотчас же отказался от затеянной было интриги...» (22).

Начнем с того, что к приведенной работе П. Долгорукова, несмотря на оригинальность и представленный в ней богатый фактологический материал, следует относиться с большой долей критики. На последнее указывают и исследователи творчества П.В. Долгорукова, отмечая, что «при чтении „Записок“ всегда необходимо помнить о том, что там, где мемуарист оставляет бесспорно знакомые ему родословно-генеалогические сюжеты ... он нередко оказывается в плену широко распространенных представлений и взглядов на российское прошлое...», а страсть, с которой он «без тени стеснения печатно третировал представителей титулованных родов ... на самом деле лишь мечь тем из них, кто позволял себе обходиться с ним или его предками неподобающим образом» (23). В подтверждение сказанному можно привести эпизод из взаимоотношений семейств Кантемиров и Долгоруковых, воспринятый последними как оскорбление всему роду.

В конце декабря 1721 — начале января 1722 года фамилия светлейшего князя, тайного советника и члена Российского Правительствующего Сената Дмитрия Кантемира, сопровождая Петра I, отъехала из Санкт-Петербурга и прибыла в первопрестольную столицу. К этому времени старшей из дочерей князя, княжне Марии, исполнился 21 год. На ассамблеях и в частных беседах с иностранными послами и российскими сановниками, посещавшими их дом, девушка блистала умом и образованностью, а положение отца в администрации российского императора и его состояние делали ее завидной невестой. Не случайно, ее руки и сердца добивались молодые люди из родовитых семей. Среди наиболее настойчивых претендентов на роль жениха Марии Кантемир выступил князь Иван Григорьевич Долгоруков,

который неоднократно обращался к Дмитрию и Анастасии Кантемиру с просьбой о выдаче замуж их дочери (24).

Вопреки тому, что оба родителя были склонны к этому союзу, норовистая девица ответила категорическим отказом, мотивируя его тем, что «... князь Иван Григорьевич не имеет никакого чину в службе Императорского Величества» (25). Естественно, такого оскорбления представители одного из древнейших дворянских родов России не могли простить и через несколько поколений. Этим, на наш взгляд, объясняется появление вымысла о неудавшемся союзе российского монарха и молдавской княжны. Кроме вышеозначенного, повествование П.В. Долгорукова грешит и многими другими неточностями. Вопреки утверждению автора, Григорий Поликала никогда не был врачом семьи Кантемир, занимая с июля 1711 года более престижную в социальной иерархии должность лейб-медика царицы Екатерины. Более того, он никак не мог исполнить повеление Екатерины «сделать Марии выкидыш», поскольку в это время еще находился в пути из столицы Османской империи в Россию (26). К другой нелепице П. Долгорукова относится его утверждение о смерти Д. Кантемира «от горя» из-за неудавшегося брака его дочери с российским монархом (27).

К сожалению, фантазии упомянутого автора на тему возможного брака Петра I и Марии Кантемир нашли продолжателя в лице Е.Э. Трубецкой, историографа рода Трубецких (28). Активно используя в качестве исторического источника сочинения П. Долгорукова, она успешно дополнила их своими домыслами. Так, упоминая о Марии, она отмечала, что «...ее страсть заставила Петра обратить на нее внимание более серьезное чем прежде, и ее страсть передалась ему. Сильный в выражениях своих чувств и не знавший им препятствий, он окончательно увлекся молодой княжной. Это случилось в годы войны с Персией, в 1722 г., и, отправляясь в поход, царь настоял, чтобы Кантемиры, в том числе и княжна Мария, отправились с ним. Рассказывают, что это увлечение Петра было настолько сильно и серьезно, что он нешутя думал развестись с Екатериной и жениться на Марии. Насколько верен этот рассказ — неизвестно, но только в лагерь явилась вдруг Екатерина в сопровождении Меншикова. Была ли цель их приезда воспрепятствовать дальнейшему развитию страсти императора и знали ли они об этом — неизвестно, но даже если это было так, то приезд их все равно оказался лишним. Судьба не благоприятствовала молодой княжне: она в это время впала в тяжелую болезнь и умерла...» (29).

Действительно, семейство Д. Кантемира сопровождало князя в Персидский поход наряду с семействами других вельмож импера-

тора, в том числе императорской четы. Однако, во-первых, в отличие от Екатерины, продолжившей путь вместе с венценосным супругом к Дербенту и Шемахе, жена и дети Д. Кантемира остались в Астрахани. Во-вторых, многочисленные документы красноречиво свидетельствуют, что на всем протяжении Персидского похода князь А.Д. Меншиков безотлучно находился в новоучрежденной столице Российской империи (30). И в-третьих, жизнь Марии Кантемир не завершилась в дни Персидского похода. После упомянутых событий она прожила еще более тридцати лет и скончалась 9 сентября 1757 г. по дороге из своего имения Марьино в Москву.

Свидетельства современников и иные документы той эпохи дают основание утверждать, что Екатерина была другом, товарищем и сотрудником Петра. О душевно близком отношении между ними свидетельствует сохранившаяся переписка. В ней обнаруживается безусловная духовная преданность друг другу; супруга разделяла труды и опасности царя, весьма часто бывала с ним в дороге, следила за его успехами, сочувствовала его радости и горю, умела шутить с ним, успокоить в случаях крайнего раздражения или болезненных припадков (31). В качестве неоспоримого доказательства вышесказанного можно привести выдержку из письма Петра I Екатерине от 21 ноября 1722 г.: «Катеринушка, друг мой сердешный, здравствуй! Посылаю к тебе конвой 80 казаков да 70 простых лошадей с седлы, на которых посади солдат, а драгун послать некого... При сем посылаю тебе новины — звено лосося... За сим, пока здравствуй» (32).

Мемуары современников и документальные материалы представляют весомые аргументы в пользу того мнения, что Петр I и впрямь не отличался целомудрием, а слухи о его мимолетных увлечениях и любовных связях были в действительности многочисленными. В придворных кругах Санкт-Петербурга бытовала молва, будто между ним и польским королем Августом II Сильным велось негласное состязание по количеству одержанных любовных побед. Однако, по мнению многих биографов российского монарха, «даже если они действительно имели место, то Петр не придавал им особого значения... рассматривая с точки зрения утилитарной морали» (33). По мнению одного из ближайших сподвижников Петра I, его адъютанта, а впоследствии вице-адмирала флота Франца Вильбоа, «у его величества должен быть целый легион демонов сладострастия в крови» (34). Даже искренне полюбив Екатерину, он не мог обходиться без увлечений на стороне. Порой мимолетных, порой затяжных.

Тот факт, что отправляясь в Персидский поход, Петр I взял с собой Екатерину, а после завершения военной кампании объявил

о намерении официально короновать ее императрицей Всероссийской (35), свидетельствует, вопреки многочисленным любовным увлечениям и интригам с обеих сторон, о незыбленности их взаимоотношений, не оставляя ни малейшего основания для домыслов относительно расторжения брака и женитьбы венценосного супруга на какой-либо из пассий.

Среди других спорных проблем упомянутой работы П.П. Панаитеску являются его утверждения, относящиеся к датировке написания и публикации ряда работ молдавского мыслителя и политика. Так, по мнению румынского историка, «история возвышения и упадка Османской империи» была написана в начале австро-турецкой войны 1716–1718 годов, в течение которой «бывший господарь Молдавского княжества безуспешно пытался вовлечь россиян в военные действия против Порты с целью освобождения Молдовы» (36).

Мы отнюдь не ставим под сомнение благородные цели Димитрия Кантемира способствовать освобождению своей родины от иноземного владычества. Однако маловероятно, чтобы посредством одного научного труда, сколь бы гениальным он ни был, можно было бы склонить Россию к новому военному конфликту с Османской империей в то время, когда продолжалась многолетняя война со Швецией. В дополнение к вышесказанному следует упомянуть и то обстоятельство, что в течение 1716–1718 годов на Аладских островах дипломатические миссии России и Швеции вели активные переговоры о заключении мира. Кроме того, документы, которыми мы располагаем, подтверждают тот факт, что ни одна из написанных в России работ Димитрия Кантемира не могла быть создана без распоряжения и последующего одобрения монарха (37). Вместе с тем обнаруженные нами архивные документы указывают на то, что упомянутое произведение было завершено лишь к 1718 году (38).

Вслед за П.П. Панаитеску эстафету кантемироведения в румынской исторической науке переняли такие глубокие знатоки эпохи и архивов, как Вирджил Кындя (39) и Паул Черноводяну (40). Благодаря их изысканиям новый импульс получили исследования творческого и научного наследия великого молдавского мыслителя. Особое внимание было уделено подготовке и научному изданию философских, исторических и литературных произведений Д. Кантемира, освещению его роли и вклада в изучение истории и культуры исламской цивилизации. Заслужив упоминания является попытка изучения и освещения процесса формирования философских и общественно-политических взглядов Д. Кантемира в контексте европейской и османской научной традиции конца XVII — первой четверти XVIII века.

К числу румынских исследователей, внесших весомый вклад в изучение жизненного пути и творческой биографии молдавского господаря, мыслителя и ученого, принадлежит Екатерина Царэлунгэ. Отличительной чертой ее исследования является раскрытие основных вех жизни и деятельности Д. Кантемира на широком фоне исторических, политических и военных событий в Османской империи, Молдавском и Валашском княжествах, империи Габсбургов и России, современником или активным участником которых он являлся (41).

Особое значение приобретает осуществленный автором исторический и литературоведческий анализ основных трудов Д. Кантемира, рассмотрение их в рамках философских и литературных процессов и направлений, существовавших в европейских странах его времени.

Нельзя обойти вниманием исследовательские работы по кантемироведению, принадлежащие перу известных румынских историков 2-й половины XX столетия, таких как Дан Слушанский (42), Андрей Пиппиди (43), Стелла Тома (44) и др. Они внесли весомый вклад в восполнение недостающих страниц биографии Д. Кантемира, связанных с избранием его почетным членом Берлинской академии, деятельности в высокой должности господаря Молдавского княжества, исследователя романо-молдо-влахийских древностей и многого другого. Благодаря их стараниям и трудам вышли в свет такие произведения Д. Кантемира, как «Иероглифическая история», «Хроники романо-молдо-валашских древностей», «Жизнь и деятельность князя Константина Кантемира», и другие с обширными научными комментариями и богатым научно-справочным аппаратом.

Единственная проблема, которая объединяет этих даровитых и столь разных исследователей биографии Д. Кантемира, — ограниченная источниковая база их трудов. За исключением документов, опубликованных Штефаном Чобану и тех, что хранятся в архиве Национальной библиотеки Академии наук Румынии, мы не встретим у них новых материалов из книго- и архивохранилищ России, Украины, Турции, Австрии или Франции. Между тем, их изыскание и использование в исследовании жизни и творчества Д. Кантемира помогло бы авторам заполнить многие лакуны, исключив нелепости и неточности, привнесенные временем и нерадивыми жизнеописателями.

Отдельной главой в истории кантемироведения выступают исследования молдавских историков, философов и литературоведов. Первые их публикации о жизни Д. Кантемира, его роли и влиянии на развитие исторической, философской и политической жизни Молдавского княжества, молдавско-русских связей, научной и культурной жизни России и Османской империи носили публицистический

характер. Однако по мере становления и научного роста молдавской исторической науки интерес к исследованию творческого наследия и политической деятельности Д. Кантемира постепенно стал складываться в самостоятельное научное-исследовательское направление. В статьях и монографиях историков Р.Ю. Энгельгарда, Н.П. Кириченко, В. Ермуратского, Н.А. Мохова, В. Коробана, Д.М. Драгнева (45) были подробно рассмотрены вопросы, касающиеся истории подписания Петром I и канцлером Г.И. Головкиным и передачи молдавскому господарю в апреле 1711 года Диплома, считающегося официальным документом, закрепившим военно-политический союз России и Молдовы, участия Д. Кантемира в событиях Прутской кампании, а также его роли в углублении и упрочении всесторонних молдавско-русских отношений.

Празднование 300-летия со дня рождения Д. Кантемира послужило новым импульсом к поиску неизученных документов и материалов, относящихся к различным сторонам его жизни и творчества, а также к появлению обобщающих и специальных исследований (46). Благодаря этой юбилейной дате тема жизни и творчества Д. Кантемира перешла из разряда второстепенных, вызывающих спорадический интерес исследователей, в перечень приоритетных тем молдавской исторической науки.

На протяжении последних трех десятилетий усилиями молдавских ученых были изучены и введены в научный оборот многочисленные архивные источники и материалы, позволившие раскрыть ранее мало или же вовсе не изученные проблемы биографии, научной и политической деятельности молдавского мыслителя.

Стараниями В.И. Потлога была исследована и раскрыта тема вклада Д. Кантемира в развитие европейской исторической науки первой четверти XVIII века, его научного исторического наследия (47). Философское наследие молдавского мыслителя получило освещение в трудах молдавских исследователей А.И. Бабия и Г.М. Бобынэ (48). Проблема музыкального творчества и наследия Д. Кантемира, его роли и месте в музыкальной культуре Османской империи была всесторонне исследована в работе музыковеда В. Гилаша (49). Весомый вклад в изучение биографии молдавского господаря и мыслителя внесли исследования и публикации историка С.В. Фомина (50). Несомненной заслугой этого автора является разыскание и включение в научный оборот ряда архивных документов, относящихся ко времени пребывания Д. Кантемира в России (51).

В публикациях академика А. Ешану детально и всесторонне проанализирована история написания и издания одного из фунда-

ментальных трудов Д. Кантемира по истории Молдовы (52). Ему же принадлежит идея написания коллективной монографии посвященной династии Кантемиров. Этот труд, вобравший в себя всю доступную информацию о Кантемирах, начиная от первых упоминаний этого имени, вплоть до последних представителей рода, увидел свет в 2008 году, во время празднования юбилея, посвященного 335-летию со дня рождения Дмитрия Кантемира и 300-летию его сына Антиоха (53). Особенность упомянутой публикации состоит в том, что впервые в одном издании были собраны исследования ученых Молдовы, Румынии, России, Украины и Германии, раскрывающие как различные аспекты богатой жизненной и политической биографии Д. Кантемира, так и результаты его многогранного таланта в области философии, истории, этнографии, литературы и музыки.

Примечательной особенностью кантемироведения последних десятилетий является тот факт, что жизнь и творческое наследие молдавского мыслителя стали предметом пристального изучения не только исследователей Республики Молдова и Румынии, но также России (54), Турции (55), Греции (56) и Германии (57). Благодаря им значительно расширилась география поиска документов, относящихся к жизни и деятельности Д. Кантемира. Кроме того, они позволили поднять и осветить ряд проблем, ранее слабо или же совсем не изученных исследователями. Среди них научные связи молдавского господара с Берлинской академией (58), причастность к деятельности масонской ложи розенкрейцеров (59), участие в политической борьбе за молдавский престол, проектирование и возведение светских зданий и церквей и многое другое.

Стремление заполнить лакуны в биографии Д. Кантемира подвигло историков к новым изысканиям в архивохранилищах. Результатом их скрупулезной работы стали публикации писем и бумаг молдавского господара, найденных в национальных архивах Румынии (60), Швеции (61), Турции (62) и России (63). К сожалению, разбросанные по многочисленным изданиям различных стран, они крайне труднодоступны для исследователей. Желание оказать сильную помощь коллегам-историкам в этом нелегком, кропотливом труде определило главную цель настоящей публикации.

Д. КАНТЕМИР — ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Димитрий Кантемир родился 26 октября (5 ноября) 1673 года.

Его отец — Константин Кантемир, выходец из молдавского военного сословия, в течение семнадцати лет служил в «волошских хоронгвах» польского коронного войска, затем, по возвращении в Молдавское княжество, занимал различные административные посты при дворе господарей. Во время правления Дабижа Водэ (64) К. Кантемир получил должность капитана города Бырлада, затем, в период княжения Дука-Водэ (65), был возведен в чин великого ключара (66). Ревностная и верная служба при дворе князя Штефана Петричейку (67) принесла ему новое продвижение по служебной лестнице — чин великого сердара (68) и руководителя над тремя цинутами (69), пограничными с Речью Посполитой (70). В 1670 году Константин Кантемир вступает в брак в третий раз, взяв в жены Анну, дочь боярина Федора Бантоша, принадлежавшего к одной из древнейших и знатных молдавских фамилий (71). Результатом этого союза стало рождение двух сыновей: старшего Антиоха в 1671 году и младшего Димитрия 26 октября/5 ноября 1673 года.

Если точная дата рождения молдавского политика и мыслителя не вызывает сомнений среди исследователей его биографии, то в определении места его рождения их мнения разительно отличаются друг от друга. Одни историки отдают предпочтение Яссам (72), столице Молдавского княжества, другие называют город Галац (73), третьи — город Фалчу (74), четвертые — указывают селение Силиштень, родовое владение Кантемиров (75). Однако ни одни из них не приводят в пользу своих версий каких-либо весомых доказательств или же документальных свидетельств. Между тем летописные источники и автобиографические записки самого Димитрия Кантемира повест-

вуют о том, что в октябре-ноябре 1673 г. его отец вместе с семейством находился в свите Думитрашко Кантакузино, новоназначенного господаря Молдовы, пребывавшего в это время в городе Галаце (76). Там же вскоре после родов был проведен и обряд крещения новорожденного, нареченного в честь своего восприемника — князя Кантакузино — Димитрием (77). В память этого события Молдавский господарь одарил своего крестника селом с прилегающими угодьями из принадлежащих ему владений в Valea Ilei (78).

Уже в раннем детстве Д. Кантемир испытал на себе удары судьбы и горечь первых потерь. Малышу не исполнилось и четырех лет, когда безвременно умерла его мать. Лишенный материнской ласки и внимания, он воспитывался под личным присмотром отца, который, будучи неграмотным, пригласил в свой дом известных греческих учителей, давших его детям блестящее по тем временам образование.

Вступив в 1685 году на молдавский престол, Константин Кантемир, по сложившейся традиции, послал своего старшего сына Антиоха заложником в Константинополь, в знак верности и преданности султану Мехмеду IV (79). Вместе с ним в столицу Османской империи отправились также сыновья шестерых наиболее влиятельных бояр княжества.

Спустя несколько лет, в 1689 году, Молдавский господарь принял решение вернуть Антиоха на родину, а вместо него отправить к Порте 16-летнего Димитрия.

Замена сыновей при султанском дворе являлась не столько фактом смены заложников господаря, сколько была связана с желанием престарелого отца дать своим детям достойное их положения и чина европейское образование в бывшей столице Византийской империи.

Можно лишь представить себе тот шок, то потрясение, которое испытал юноша, прибывший из отдаленной провинции Османской империи в один из крупнейших городов Евразии. К тому времени население Стамбула насчитывало более 500 тысяч человек, среди которых около 40 % были не мусульмане (80).

Город являлся крупнейшим интеллектуальным и художественным центром империи и мусульманского мира в целом. Поэты, писатели, художники приезжали со всех концов османского мира и, заручившись протекцией каких-нибудь высокопоставленных сановников, вели комфортную жизнь, собираясь компаниями в домах своих покровителей или в городских садах, а после введения кофеев — в ках-вахане, ставших основными центрами культурной и литературной жизни города.

Именно в османской столице учреждаются крупнейшие библиотеки мусульманского мира (81). До конца XVII столетия в Стамбуле

существовало три типа библиотек: при медресе и больших мечетях, которые хранят главным образом инженерно-техническую и юридическую литературу; имперские, при дворе султана, во дворце Топкапы, где были собраны самые редкие и ценные манускрипты. Публичные библиотеки появившиеся после 1483 года инициаторами этой благородной идеи были меценаты, сами собиравшие книги и стремившиеся найти им достойное применение. Вход в такие библиотеки был свободный. Книги можно было читать на месте, в случае надобности взять домой на время или же заказать копию (82). Следует заметить, что доступ к публичным библиотекам и право пользования книгами имели как последователи Корана, так и немусульмане.

После монотонных, патриархальных, живущих размеренной жизнью Ясс, полумиллионный город, стоящий на берегу Босфора, предстал перед юным Кантемиром целым миром — незнакомым, пугающим и манящим. Ему непривычно было просыпаться ранним утром под призывы муэдзинов, зовущих с минаретов на утреннюю молитву, под громкие крики разносчиков молока и айрана, продавцов овощей и фруктов, медников и водоносов.

Городская жизнь начиналась рано. После молитвы на заре люди готовились заняться делами. Их одежда и головные уборы представляли невероятное разнообразие. Вскоре после захвата Константинополя в 1453 году, султан Мехмет Завоеватель установил правила, согласно которым высокопоставленные представители гражданской и военной администрации должны были выделяться из остальной части населения одеждой и головными уборами. Форма и цвет облачений регламентировались и сохранялись с небольшими изменениями вплоть до 1826 года (83). Яркие, пестрые наряды, белоснежные тюрбаны, черные мрачные одеяния духовенства и студентов медресе придавали колорит городской жизни. В разноликой толпе выделялись богато расшитые кафтаны и головные уборы различных ага, морских офицеров, янычар, стражников арсенала, хламиды дервишей из грубой шерсти, комбинезоны мусорщиков из красной кожи, яркие наряды цыган с танцующими медведями.

В богатых кварталах важные персоны отправлялись в свои учреждения нередко в сопровождении помощников... В открытых окнах лавок и магазинов были выставлены напоказ всевозможные товары, привезенные из различных областей необъятной империи (84).

Незабываемым зрелищем для молодого князя, так же как для жителей столицы, являлись организованные самим султаном или по его соизволению гильдиями ремесленников празднества и манифестации. Процессии сопровождалась артиллерийской стрельбой,

барабанной дробью, игрой военных оркестров (мехтеров), имитациями сражений между турками и христианами, праздниками на воде, иллюминацией и фейерверками.

Гильдии ремесленников устраивали развлечения в виде красочных процессий, демонстрировавших их профессиональное мастерство. Самые массовые из них включали глав военных, морских и гражданских служб, различные виды войск, высокопоставленных представителей духовенства, делегатов множества гильдий, а также учащихся медресе и школ, которые шествовали мимо султана, восседавшего на крепостном валу сераля в монаршем павильоне и наблюдавшего за парадом. Такие шествия могли длиться по три дня и дольше. В это время вся деловая жизнь в городе замирала. Церемонимейстеры в блестящем облачении с лентами через плечо и семью церемониальным перьями в головных уборах подавали команды, регулировавшие движение разных колонн, в то время как распорядители — пажи султана — верхом на породистых арабских скакунах следили за порядком толпящегося народа.

Гильдии, участвовавшие в процессии (иногда их количество превышало 700), выставляли на всеобщее обозрение изделия своих мастеров. Иногда их помещали на телеги, и каждая группа ремесленников, проходившая перед султаном, стремилась привлечь его внимание. Моряки имитировали морские баталии... Содержатели психбольниц вели толпу пациентов численностью в 200–300 человек, увешанных серебряными и золотыми цепями, поочередно пичкая их лекарствами или стегая плетью... Гильдия палачей везла платформу, демонстрируя публике 77 орудий пыток... Баки тащили повозку с ветряной мельницей и мальчишками, молотившими зерно, на другой повозке с печью — замешивали тесто и выпекали лаваш. За ними следовали кондитеры, бросавшие в толпу свежее выпеченные кондитерские изделия. На повозке рыбаков были выставлены не только орудия их труда — гарпуны, сети и корзины, но также подвешенные на крючьях свежее выловленные дары моря... Армейские банщики выставляли на обозрение фетровые банные кабины, обогреваемые переносными печками, работающими на угле... Несколько тысяч попрошаек, слепых, хромых, паралитиков, эпилептиков, увечных ковыляли вместе с шейхом их гильдии, восседавшем на осле (85).

Не менее привлекательным и красочным был еженедельный ритуал посещения султаном пятничной молитвы в мечети Аяя София (византийский православный храм Святой Софии, превращенный после взятия османами Константинополя в мечеть) или же в «Голубую мечеть» султана Ахмеда I (86). Султан выезжал из ворот дворца

Топкапы верхом на лошади, с плюмажем на голове, окруженный свитой придворных, пажами в красных ливреях, солдатами, вооруженными луками и стрелами — символами власти, в сопровождении верховных сановников (87). Это зрелище постоянно собирало множество людей, как коренных жителей Стамбула, так и приезжих. Посему у нас нет оснований сомневаться, что Д. Кантемир неоднократно наблюдал этот церемониал.

Особенно зрелищными были морские празднества, происходившие в непосредственной близости от места проживания Д. Кантемира в Стамбуле. Каждый год 6 мая население города собиралось вдоль берегов бухты Золотого Рога для участия в церемонии отплытия османского флота.

Корабли капудан-паши — «великого адмирала» — и офицеров флота медленно шли по водам бухты от арсенала до установленного на плоту шатра султана. Там совершался обряд вручения им кафтанов — символов милости правителя и пожелания счастливого плавания и успешных кампаний. Вслед за этим флот отправлялся в инспекционное турне и для сбора дани к островам Эгейского моря. Необходимым атрибутом этих торжеств, длившихся обычно три, пять или семь дней, являлось яркое освещение султанского дворца, города и мечетей, украшение лавок, магазинов, базаров и рынков. Над Босфором и бухтой Золотой Рог звучали пушечные залпы, а по вечерам вспыхивали огни фейерверков. Празднества сопровождалась соревнованиями по стрельбе из лука, которые проводились на холме, называвшемся Ок Мейданы, конными бегами, боями животных, представлениями фокусников, акробатов, силачей и жонглеров... Празднества дополнялись эффектными и колоритными процессиями представителей различных цехов и профессий. На повозках везли изготовленные из сахара метровые фигуры животных, памятники или миниатюрные модели садов. Всем желающим раздавали еду: горячий отварной рис, хлеб, куски приготовленного на вертеле мяса и сласти (88).

В течение трех лет пребывания в Константинополе Димитрий усиленно занимался изучением восточных языков — турецкого, арабского, персидского. Его учителем и наставником в этом деле был известный турецкий ученый, лингвист и философ XVII века Ес-Ад Эфенди. Наряду с обучением языкам Д. Кантемир совершенствовал свои познания в античной литературе, музыке, философии. Особое внимание уделялось изучению ислама и православной религии. В стенах греческой духовной академии в Фенере он брал уроки латинской и греческой грамматики у Иакони и Анастасиоса Наусиоса, «прославленного в Германии и Англии своими глубокими познания-

ми греческого языка» (89). В вопросах изучения литературы, риторики и догматов православной церкви его наставниками были архиепископ Милетий и Анастасиос Кондоиди. С последним у Димитрия Кантемира установились очень тесные дружеские отношения, сохранившиеся на многие годы. По истечении ряда лет именно Анастасиосу Кондоиди, в знак глубокого расположения, было доверено воспитание и обучение детей семейства Кантемиров.

Особое место в образовании юного князя имели занятия в Edeğim Hımaıyın — учебном заведении, где получали образование дети знатных и состоятельных иностранцев или подданных Порты христианского вероисповедания. Среди полюбившихся ему предметов следует отметить уроки музыки, в которой он достиг значительных успехов.

Уже в первый период своего пребывания в столице Османской империи молодой князь установил знакомства и тесные отношения с иерархами Восточной православной церкви. Среди них следует назвать Досифея II Нотара, Иерусалимского патриарха, а также Константинопольского патриарха Калиника II, с которыми на протяжении ряда лет он вел оживленную переписку.

По мнению ряда исследователей, Дмитрий Кантемир уже в годы первого своего прибывания в Константинополе «успел вписаться в дипломатическую жизнь султанского сераля, установив дружеские связи в высших кругах османской аристократии, а также с рядом европейских послов, аккредитованных при дворе султана, с которыми вел продолжительные беседы» (90). Нам это утверждение представляется далеким от достоверности, поскольку ни юные годы, ни социальный статус заложника не давали ему возможность и право быть принятым в дипломатическую среду и стать на равных с полномочными министрами европейских держав при Блистательной Порте. Скорее всего, все вышеизложенное следует отнести ко времени второго «сидения» Димитрия Кантемира в столице Османской империи, продолжавшегося более 17 лет, в особенности к тем годам, когда он в ранге капукехайя — полномочного посла Молдавского княжества при султанском дворе — представлял интересы своего брата — господаря Антиоха.

Осенью 1691 года Димитрий по повелению отца покинул Константинополь и вернулся на родину. Причина отъезда была связана с политическими переменами, произошедшими в руководстве Блистательной Порты. К этому времени в Эдирне 22 июня «от застарелой водянки» скончался султан Сулейман II, правивший страной с 1687 года (91). Место на османском престоле занял его младший брат, вошедший в историю Османской империи под именем Ахмеда II. Воспользовавшись сменой власти в Стамбуле, господарь Молдовы

Константин Кантемир отозвал Ласкараке Руссета, своего старого представителя (капукехайя) при султанском дворе, и назначил на эту должность старшего сына Антиоха.

По возвращении в Яссы Д. Кантемир не занимал при господарском дворе никакой государственной должности. Скорее всего, находясь рядом с отцом, он постигал азы управления страной, изучал работу сложного механизма административно-политической системы княжества. К этому времени относится приобретение им первого опыта участия в боевых действиях. Летом 1692 года он сопровождал отца, получившего приказание султана следовать с молдавскими частями в составе турецко-татарского войска на приступ крепости Со-рока, захваченной ранее поляками и казаками (92).

Молодой князь не только приобретал знания и навыки в государственной и политической деятельности, но и активно включился в духовно-религиозную жизнь страны. Продолжая традицию своих предков, он в 1692 года заложил в селении Урлац фундамент мужского монастыря Святого Николая, который позднее, по завершении строительства, был приклонен Ватопедскому монастырю на Афоне (93).

К концу 1692 года преклонные лета, боевые раны и повседневные заботы о нуждах княжества значительно ослабили здоровье господаря. Предвидя скорую кончину, К. Кантемир в первых числах марта 1693 года призвал в господарские покои наиболее близких и преданных ему бояр — великого вистиера (казначей) Иордакия Руссета, гетмана (начальника господарского войска) Лупула Богдана и великого спатаря (меченосца) Михаила Раковицу, с которыми обсудил вопрос о наследовании молдавского престола после своей смерти. Выбор этих сановников был отнюдь не случаен, поскольку в руках первого находилась сокровищница государства и самого господаря, два же последних, приходились воеводе зятьями, будучи женатыми на его старших дочерях. Принимая во внимание то обстоятельство, что старший сын господаря Антиох находился в это время в Константинополе, выбор князя и ближних бояр пал на Димитрия.

13 марта 1693 года Константин Кантемир отошел в мир иной. Следуя последней воле князя и собственным клятвенным обещаниям, И. Руссет и Л. Богдан в тот же день отправили в столицу Османской империи гонца с сообщением о кончине господаря. Вместе с этим известием на имя султана было послано прошение «от всей земли Молдавской» утвердить на престоле Димитрия Кантемира. Вслед за этим, 19 марта, в княжеском дворце был созван великий диван, на котором присутствовали бояре, патриархи Константинопольский и Иерусалимский, а также представители служилого сословия Мол-

довы. На заседание совета был приглашен и визирский ага, бывший в то время в Яссах проездом. Видя единодушие боярства, духовенства и служилых людей относительно избрания Д. Кантемира, турецкий сановник надел на плечи 19-летнего юноши княжеский кафтан (94). Столица Молдовы пушечными залпами, боем барабанов, звучанием труб и перезвоном церковных колоколов приветствовала избрание нового господаря.

Однако крайне непродолжительным, не более 20 дней, было первое княжение Димитрия. Непримирымый и многолетний недруг семейства Кантемиров — господарь Валахии Константин Брынковяну, используя весь свой авторитет и влияние при дворе султана, а также щедрые подношения визирю и служителям сераля, склонил Блистательную Порту к смене молдавского господаря. Помимо активного противодействия валашского князя, существовала, на наш взгляд, еще одна, гораздо более весомая, причина, повлиявшая на решение султана отстранить Димитрия от власти. Отнюдь не случайным совпадением представляется тот факт, что избрание Д. Кантемира на молдавский трон происходило в присутствии двух православных патриархов. Предчувствуя свою кончину, К. Кантемир пригласил в столицу Молдавского княжества обоих иерархов православной церкви с тем, чтобы фактом их участия в церемонии интронизации Димитрия на княжество освятить передачу власти по принципу прямого престолонаследования. Тем самым находящийся на смертном одре господарь, не испрашивая согласия и письменного подтверждения своего сюзерена — султана, попытался установить в Молдавской княжестве наследственную монархию. Такого самовольства молдавских князей и боярства Блистательная Порта не могла допустить ни сейчас, ни в будущем. Подтверждением того, что К. Кантемир к концу своей жизни вынашивал планы установления в Молдове наследственного княжения, служит тот факт, что еще 15 февраля 1690 года в крепости Сибиу он через своих доверенных лиц заключил с представителями австрийского императора Леопольда I секретный договор, один из пунктов которого закреплял за ним право вечного владения молдавским престолом (95).

По распоряжению султана Ахмеда II из Константинополя в Яссы был отправлен капуджи-паша Мехмет Черкез с объявлением воли падишаха о пожаловании престола Молдавского княжества ставленнику К. Брынковяна Константину Дуке (96). Тем же фирманом капуджи-паше предписывалось арестовать Д. Кантемира и его близких бояр И. Руссета и Л. Богдана как изменников, узурпировавших власть, и доставить их ко двору для жестокого наказания.

Повеление султана было оглашено на боярском совете 8 апреля 1693 г., а спустя пять дней, 13 числа, Д. Кантемир в сопровождении Мехмета Черкеза, его свиты и охраны отправился в путь к Константинополю. Предупрежденные заранее о готовящемся аресте советники опального господара вовремя покинули княжество, найдя защиту и убежище в соседней Польше.

По прибытии князя в столицу Османской империи стараниями старшего брата, имевшего связи и покровителей при дворе, арест с Димитрия был снят и «высочайшей милостью» разрешено свободное передвижение в пределах метрополии.

Повторное пребывание в Турции, затянувшееся почти на 20 лет, позволило Д. Кантемиру продолжить столь близкие и любимые его сердцу занятия литературой, искусствами и наукой. В это же время у него устанавливаются тесные знакомства и общение с главами дипломатических миссий, аккредитованных при Порте. Среди его близких знакомых дипломатов следует назвать Якова Кольера (Jakob Collyer), который с 1688 по 1725 годы был послом Голландии, Антонио де Кастанера (Pierre Antoine de Castagneres), маркиза де Шатонефа (marquis de Chateaufeuf), посла Франции с 1689 по 1699 годы, Петра Андреевича Толстого, полномочного министра российского царя с 1702 по 1710 годы и многих других. Сближение Д. Кантемира с администрацией султанского двора, а также представителями дипломатического корпуса при Блистательной Порте было отнюдь не случайным. В 1695 году произошли события, которые коренным образом изменили положение и социальный статус пребывания Д. Кантемира в столице Османской империи.

В первых числах февраля 1695 года в Эдирне в результате апоплексического удара скончался султан Ахмед II. Он не дожил до своего пятидесятидвухлетия 12 дней, процарствовав чуть более трех с половиной лет (97). На смену ему на трон взошел старший сын Мехмеда IV — тридцатилетний Мустафа II. С приходом к власти нового султана, изменилась расстановка сил в аппарате управления двора и страны. Ушли с политической арены сановники, покровительствовавшие валашскому господарю К. Брынковяну и его клевету — Константину Дуке, господарю Молдовы (98).

В результате совместных действий боярской партии сторонников семейства Кантемиров в Молдове и их покровителей из числа высших сановников администрации Мустафы II, в том числе прибывавшего в Стамбуле лидера антигабсбургского движения в Трансильвании Имре Тёкёли (99), в декабре 1695 г. молдавский господарь К. Дука был смещен с княжеского престола, а на его место назначен

А. Кантемир (100). Представлять интересы нового господаря Молдовы при султанском дворе было поручено Димитрию Кантемиру. В помощники к нему был определен боярин Михалаке Руссет (101).

Проживая в Константинополе в качестве полномочного представителя молдавского господаря, молодой князь был вхож в дома османских сановников высокого ранга, где установил тесные связи с представителями правящих кругов. Положение и политический статус Д. Кантемира требовали от него присутствия и участия в различных мероприятиях, проводимых султаном или же его администрацией. Это в полной мере относилось и к военным кампаниям периода правления Мустафы II. Обладая широкой автономией в составе Османской империи, Молдавское княжество, тем не менее, являлось вассалом султана и, наряду с выплатой различного рода податей и налогов, обязано было в случае войны пополнять османское войско своими воинами.

В рассматриваемый нами период Османская империя уже многие годы вела с переменным успехом войну со Священной лигой. Во второй половине 90-х годов XVII в. это противостояние вступило в решающую стадию. Весной 1696 г. Порты подготовила 100-тысячную армию для нанесения контрудара по войскам Габсбургов на Балканах и в Венгрии. В начале июня, возглавляемая султаном Мустафой II армия выступила из Стамбула в поход. В составе ее как данник и союзник Порты находился и 24-летний Д. Кантемир.

Ко второй половине июля османский флот, пехота и артиллерия подошли к Белграду, откуда медленно двинулись к Петервардину навстречу австрийцам (102). В начале сентября османская армия стала готовиться к переправе через Тису у местечка Зента. Через реку был установлен понтонный мост, укрепленный по совету французских инженеров повозками. Переправа была почти завершена. По одну сторону моста находилась тяжелая кавалерия, по другую артиллерия и пехота, когда главнокомандующий имперскими войсками Евгений Савойский, воспользовавшись ситуацией, атаковал противника.

11 сентября 1697 года у местечка Зенты произошло генеральное сражение, завершившееся победой австрийцев. Войска Евгения Савойского обрушили на переправляющиеся османские части огонь всей полевой артиллерии, расстроили их порядок, вызвав замешательство и причинив огромный урон. Попытка командующего великого визиря Элмаса Мехмеда-паши противопоставить неприятелю свою артиллерию и конницу для защиты оставшейся на противоположном берегу пехоты не принесла желаемого результата. Части императорской армии отрезали турецкой пехоте подступы к мосту,

заставив ее спасаться вплавь. Потери османских войск составили 20 тысяч человек, в числе которых был и сам великий визирь.

Мустафа II, наблюдавший за ходом сражения с противоположного берега, вынужден был бежать к Темешвару, растеряв в пути весь обоз и даже личные вещи (103). В числе спасшихся из-под Зента с отступающими османскими войсками был и Д. Кантемир.

По возвращении с театра боевых действий Д. Кантемир некоторое время проживал в Адрианополе (Эдирне), где в конце 1697 года завершил написание своего первого религиозно-философского трактата «Диван, или Спор мудреца с миром», созданного под непосредственным влиянием и руководством его учителя и наставника Иеремии Какавелы. Книга была опубликована в конце лета 1698 года в Яссах одновременно на молдавском и греческом языках и получила восторженные отзывы от ученых-богословов и иерархов православной церкви. Особую привлекательность книге придало ее полиграфическое исполнение, осуществленное яскими типографами — иеромонахом Атанасием и монахом Дионисием (104). Нельзя обойти вниманием тот факт, что скорому выходу в свет книги Д. Кантемира, несомненно, способствовал его старший брат Антиох, правивший в это время Молдавским княжеством.

Как было отмечено выше, Д. Кантемир редко покидал пределы османской метрополии, предпочитая далеким и опасным путешествиям культурную и политическую жизнь столицы Блистательной Порты. Одна из его немногочисленных поездок за пределы Константинополя относится к весне 1699 года и связана со значительным событием в его жизни — женитьбе на Кассандре Кантакузино, дочери бывшего валашского господаря Шербана. Сговор молодых состоялся еще в конце 80-х годов XVII в., когда были живы оба их родителя (105). Однако изначально юные лета обрученных, а впоследствии — политическая конъюнктура и серьезное противодействие этому союзу со стороны К. Брынковяну более чем на десять лет отдалили бракосочетание Димитрия и Кассандры.

Инициатором и организатором свадьбы выступил Антиох, на плечи которого после смерти родителей легла опека младшего брата. Принятию решения способствовало и то обстоятельство, что Антиох в это время занимал престол Молдавского княжества. По его распоряжению в Трансильванию, в город Брашов, где в эмиграции проживала с семейством вдова Шербана Мария Кантакузино, был послан боярин Василе Пуриче с поручением привести Кассандру в Яссы. Одновременно был направлен гонец и к Димитрию в Константинополь с известием о предстоящей свадьбе. Вскоре после пасхаль-

ных праздников, 9 мая 1699 года, в соборной церкви Трех Святителей митрополит Молдовы обвенчал новобрачных (106).

После свадебных торжеств Д. Кантемир с молодой супругой поселился в Яссах, в доме, доставшемся ему в наследство после смерти отца. Однако пребывание молодоженов в столице Молдавского княжества было непродолжительным. Уже весной следующего года, после рождения первенца — дочери Марии, они, примкнув к дипломатическому поезду польского посла Рафаэла Лещинского (Rafael Leszczynski), следовавшего ко двору султана, отправились в столицу Османской империи.

Возвратившись на берега Босфора, семейство Д. Кантемира, как официального представителя господаря Антиоха, первоначально поселилось в так называемом «молдавском дворце» — особняке, в котором по традиции временно проживали капукехайи, то есть полномочные резиденты господарей Молдовы при Порте, или же мазылы — отставленные от престола молдавские князья. Однако и там их пребывание было недолгим. В конце 1700 года, после того как в Стамбул вернулся лишенный княжества Антиох, они вынуждены были покинуть «молдавский дворец» и перебраться на виллу в Ортакёе, приобретенную Д. Кантемиром в 1697 году у Юсуфа Эфенди за 25 тысяч курушей (107).

Поселившись в уютном, но скромном по размерам и потребностям семьи доме, князь вскоре приступил к возведению нового жилья. В его основу было положено недостроенное здание дворца Шербана Кантакузино, полученное Кантемиром в качестве приданого за его супругой Кассандрой.

По разработанному лично князем Димитрием проекту на левом берегу бухты Золотой Рог, в районе Фенера близ мечети Fethiye Şerefi, началось строительство нового дворца. Прекрасное каменное здание, выполненное в византийском стиле с элементами восточной архитектуры, с просторным парком и садом, затмевало своей изысканностью и красотой многие близлежащие дворцы и особняки, вызывая зависть и недовольство османских сановников. Раздражение некоторых из них было столь велико, что они добились султанского повеления о приостановлении строительства (108). Только благодаря личным связям князя при дворе и заступничеству великого визиря Али Паши (109) работы были возобновлены.

В 1705 году дворец, стоивший его владельцу более 35 тысяч золотых, хотя и не был полностью завершен, принял под свои своды семейство Кантемира. Став одной из архитектурных жемчужин Стамбула, дворец Димитрия Кантемира вплоть до назначения князя

в ноябре 1710 года господарем Молдовы являлся средоточием значительной части культурной, музыкальной и научной жизни османской столицы.

Среди посетителей гостеприимного княжеского дома были послы и дипломаты иностранных держав, члены крупнейших купеческих фамилий и местной знати, а также высокие сановники султанской администрации, такие как будущие великие визири Техендар Мехмет паша (1704–1706) и Мехмет Балтаджи паша (1710–1712), а также ставший впоследствии крымским ханом Девлет Гирей II (110). Однако наиболее частыми гостями являлись представители интеллектуальной элиты страны, среди которых уместно назвать знатока и исследователя ислама ходжу Саади Эфенди, поэта и искусного музыканта Раами Мехмед-пашу, художника и известного исполнителя игры на саазе Левны Челеби, философа и толкователя Корана Нефьюлу (111). Благодаря своим друзьям и наставникам, Д. Кантемир получил уникальную возможность познакомиться с поэтическими и литературными произведениями известных турецких авторов: Махмуда Челеби по прозвищу Лами (112), Физули (113), Баки (114). Помимо литературных произведений ему были доступны труды видных историков и географов: Кемаль-паши-заде (115), ходжи Саадедина Эфенди (116), Наима (117). Евлия Челеби (118) и др.

Получив глубокие познания в области теории и традиции османской музыкальной культуры, Д. Кантемир в то же время стал одним из искусных исполнителей на тамбуре, саазе и свирели. Талант исполнителя, сочинителя и теоретика османской музыки открыл ему доступ в известные музыкальные салоны Стамбула, где его советами и помощью пользовались именитые певцы и музыканты (119). Именно Д. Кантемиру принадлежит первенство в разработке и распространении в Османской империи нотных знаков, а также переложение на них произведений турецких авторов. Стремясь расширить использование нотной грамоты среди сочинителей и исполнителей, князь Димитрий некоторое время даже давал частные уроки именитым горожанам.

По инициативе и с помощью друзей, известных ценителей музыки и исполнителей на саазе Ismail'a Efendi и Latifa Celebi, Д. Кантемир переложил на ноты наиболее известные сочинения современных ему авторов. Все они, включая музыкальные пьесы самого Д. Кантемира, были собраны в отдельный том, поднесенный султану Ахмеду III в 1703 году, в день его восшествия на трон (120). Следует отметить, что подавляющее большинство исследователей жизни и творчества Димитрия Кантемира не упоминают этот труд в общем списке произведений, созданных молдавским ученым и мыслителем (121). Меж-

ду тем, значение его для музыкальной и в целом культурной жизни Османской империи было крайне велико, поскольку на более чем столетие он стал настольной книгой для сочинителей музыкальных произведений, исполнителей-профессионалов и любителей, а также поклонников традиционной музыкальной культуры в различных уголках страны.

В условиях, когда произведения османских композиторов передавались от исполнителя к исполнителю в изустной форме, обычным заучиванием на память, нововведение Д. Кантемира, его активная роль в распространении нотной грамоты имели поистине историческое значение как для современной ему культурной жизни Турции, так и для последующих поколений. Благодаря его трудам и усилиям сегодняшние исследователи музыкальной культуры и традиции Османской империи конца XVII — начала XVIII веков имеют счастливую возможность услышать и познакомиться с оригинальными произведениями той эпохи. В настоящее время среди уникальных экспонатов Исторического музея Топ Кари Sarayı («Топкапы») в Стамбуле любопытный посетитель может увидеть настольные часы, изготовленные мастерами начала XVIII столетия, исполняющие в течение суток восемь музыкальных пьес. Одна из них была сочинена Д. Кантемиром и носит его имя (122).

За исключением отрывочных сведений о творческой и научной деятельности Кантемира в Константинополе какой-либо другой информации, проливающей свет на его жизнь в османской столице, крайне мало. Известно, что в первые годы XVIII столетия он был одним из активных участников борьбы за обладание валашским престолом. Видя в Димитрии Кантемире реальную угрозу своему благополучию и многолетнему правлению, господарь Валахии К. Брынковяну использовал все свои связи и влияние при султанском дворе с тем, чтобы опорочить и устранить своего недруга (123). С целью поставить последнюю точку в затянувшемся конфликте в сентябре 1703 года валашский господарь отправил в Константинополь с секретной миссией своего доверенного человека, великого служера Тому Кантакузино. Согласно устоявшейся в исторической литературе точке зрения перед ним была поставлена задача склонить окружение султана к тому, чтобы арестовать и сослать молдавского князя на остров Хиос. При более благоприятном стечении обстоятельств предполагалось похитить Д. Кантемира и доставить в столицу Валахии для расправы (124).

Однако, по утверждению тех же авторов, «эmissар валашского князя, вопреки полученным в Бухаресте инструкциям, начал вести при Порте собственную игру, фактически перейдя на сторону

Д. Кантемира, став его единомышленником и союзником» (125). Более того, согласно их мнению, лишь благодаря благородству и принципиальной позиции Т. Кантакузино, «отказавшегося участвовать в интригах К. Брынковяна», были сорваны планы валашского господара расправиться со своим молодым соперником (126).

Дистанцируясь от общепринятой точки зрения на миссию великого служера, рассмотрим ее с другой стороны. Во-первых, вызывает недоумение тот факт, что валашский господарь обращается к высшим сановникам Порты не посредством капухеяхя — своего полномочного представителя при султанском дворе, а через посланника, который ни разу до этого не бывал в Стамбуле, не знал этой страны, не имел контактов и личных связей среди родственников или же влиятельных лиц из окружения правителя Османской империи. Последнее обстоятельство было отнюдь не маловажным, поскольку в рассматриваемый период наличие знакомств и приятельских отношений среди высших должностных лиц сераля нередко являлось залогом успеха в решении любых, порой чрезвычайно сложных, проблем. С другой стороны, трудно себе представить, что подданный князя, пусть даже связанный с ним узами близкого родства, повел себя не во благо, а во вред интересам своего покровителя и сюзерена. Вместе с тем, совершенно лишены логики выглядит принятое в августе 1704 года решение К. Брынковяну о награждении Т. Кантакузино, после того как он «пошел против воли своего господара», чином великого постельника (127), дававшим его обладателю право быть членом княжеского совета — высшего административного органа руководства страны, а также управителем двора и личных покоев господара (128).

На наш взгляд, особая миссия Т. Кантакузино в Стамбуле в сентябре 1703 — январе 1704 года заключалась отнюдь не в физическом устранении Д. Кантемира как основного соперника валашского господара. Обладая достаточным весом и влиянием при османском дворе, а также давними и прочными связями с сановниками из близкого окружения султана, К. Брынковяну имел несчетное количество возможностей расправиться со своим недругом.

Одна из них относится к 1703 году, когда по приказанию султана К. Брынковяну в сопровождении многочисленной свиты с 28 мая по 28 июня находился в столице Османской империи (129). Кроме того, владея значительными финансовыми ресурсами, он мог без особых трудностей «уговорить» деньгами несговорчивых османских чиновников решить эту проблему в свою пользу. Тем не менее К. Брынковяну предпочел избрать иной способ урегулирования конфликта, который без жертв и пролития крови надолго бы отвратил притязания

Д. Кантемира на трон Молдавского или же Валашского княжества. К. Брынковяну было доподлинно известно, что после того, как молдавский князь поселился с молодой супругой в Стамбуле, материальное и финансовое положение его семьи было далеко от потребностей столичной жизни (130). Оно усугублялось и тем, что все родовые имения отца получил во владение старший брат — Антиох, в то время как в собственности Димитрия находились лишь несколько домов в Яссах, полученных им в наследство и приобретенных после бракосочетания (131).

Нам представляется, что валашский господарь предложил Димитрию Кантемиру сделку — деньги и недвижимость в обмен на отказ от претензий на княжеский престол. Поскольку предмет переговоров носил деликатный, семейный характер, их проведение могло быть поручено только человеку близкому и пользующемуся полным доверием обеих сторон.

К этой роли, как нельзя лучше, подходил великий слугер Тома Кантакузино, приходившийся близким родственником обоим князьям. В подтверждение вышесказанному мы вряд ли найдем прямые свидетельства или же письменные источники. Однако многочисленные косвенные данные могут служить весомым аргументом в пользу выдвинутой версии. На наш взгляд, отнюдь не случайным совпадением представляется тот факт, что сразу же после отбытия Т. Кантакузино из Стамбула зимой 1704 года валашский господарь согласился выплачивать Д. Кантемиру ежегодно по 10 кошелей (кесе) золота (в каждом кесе — по 500 курушей) в компенсацию за поместья бывшего воеводы князя Шербана Кантакузино, предназначавшиеся в качестве приданого за его дочь Кассандрой, в замужестве Кантемир (132). В это же время, как мы ранее отметили, в Фенере, одном из престижнейших и дорогих районов Стамбула, на берегу бухты Золотой Рог Д. Кантемир начал строительство великолепного дворца с просторным парком и садом, стоившего его владельцу огромных денежных средств (133). В дополнение к вышесказанному, К. Брынковяну обязался не противодействовать вторичному возведению на молдавский престол Антиоха Кантемира (второе княжение А. Кантемира в Молдове относится к 1705–1707 гг.), а также прекратить вражду с Димитрием (134).

Анализируя события жизни и деятельности Д. Кантемира в Османской империи с 1704 по 1710 годы, мы не найдем ни намека относительно его участия в политической борьбе боярских группировок за власть в Валашском или Молдавском княжестве. Более того, он несколько раз отказывался принять бунчук — символ господарской власти

Молдавского княжества, а также стать капукехайем — официальным представителем своего брата Антиоха при султанском дворе во время его второго княжения.

В этот период времени весь его талант и неумная энергия проявились вне сферы политики, сосредоточившись, главным образом, в области литературы, философии, истории и музыкальной культуры (135). Вплоть до начала Русско-турецкой войны 1710–1713 годов обе стороны неукоснительно соблюдали условия заключенного договора, ни словом, ни делом не нарушив своих обязательств.

Однако едва над головою К. Брынковяну сгустились тучи и султанский двор сменил милость на гнев, заподозрив его в предательстве, князь Димитрий приложил все свои усилия, материальные средства и связи при дворе, чтобы взойти на Молдавский престол.

Подозрения Порты относительно надежности и верности К. Брынковяну значительно возросли во время кризиса турецко-российских политических отношений лета-осени 1710 года. Кроме того, большую роль в разоблачении валашского князя как тайного сторонника Петра I выполняли «наносные» письма, поступавшие в руки великого визиря как со стороны недовольных бояр княжества, так и со стороны шведского короля Карла XII и крымского хана Девлет Гирея II.

9/20 ноября 1710 года во дворце султана был созван Великий Диван, на котором было принято решение о начале войны с Россией. В тот же день П.А. Толстой, полномочный министр Петра I, был заточен в политическую тюрьму — Семибашенный замок (Yedikule). Спустя пять дней после провозглашения войны состоялось повторное заседание Дивана для обсуждения мер безопасности на северовосточных границах империи — в Валашском и Молдавском княжествах. Именно тогда в полную силу прозвучали опасения турецких вельмож относительно благонадежности К. Брынковяну (136) и впервые было произнесено имя Д. Кантемира как нового господаря Молдовы. Его кандидатура, поддержанная такими значительными политическими фигурами, как великий визирь Мехмет Балтаджи-паша (ок. 1655–1712) и крымский хан Девлет Гирей II (второе правление декабрь 1708 — март 1713), была принята и одобрена членами дивана. Тогда же султанскими сановниками были составлены пункты-наказы новому молдавскому воеводе.

Помимо организации обороны княжества и заготовления необходимых припасов для османских войск, Д. Кантемиру поручалось слежение и контроль за поведением валашского князя с клятвенными уверениями со стороны османских властей в скором низложении последнего (137).

По мнению ряда исследователей, приготовления к войне с Россией со стороны Порты шли столь стремительными темпами, что Д. Кантемир вынужден был в срочном порядке, собрав в течение нескольких дней пожитки и домочадцев, покинуть столицу Османской империи, даже не пройдя обычную в таких случаях церемонию посвящения в господари (138). Однако при более внимательном рассмотрении событий того времени мы не найдем фактов, свидетельствующих о том, что ситуация внутри Молдавского княжества и вблизи границ Османской империи требовала незамедлительного присутствия в Яссах ново назначенного господаря. Кроме того, ни для султана, ни для верховного визиря не было причин отступать от установившейся более столетия назад практики представления падишаху нового владетеля Молдавского княжества и ритуала принесения им клятвы на верность Блистательной Порте.

Помимо вышеозначенного, есть еще одна существенная причина усомниться в обоснованности версии о непрохождении Д. Кантемиром церемонии посвящения в господари. В случае, если бы ново назначенный князь Молдовы не прошел упомянутой процедуры и принесения клятвы, его назначение, а тем более восшествие на княжеский престол, не было бы легитимным и признанным как со стороны владетелей Османской империи, так со стороны молдавского боярства. Нам представляется, что церемония посвящения Д. Кантемира в господари и принесение им клятвы имели место, хотя другие ритуалы, связанные с его назначением, могли быть сокращены в связи с условиями военного времени.

Прекрасной иллюстрацией к вышесказанному служит следующее описание представления при дворе султана ново назначенного господаря Молдавского княжества. После аудиенции у великого визиря, который надевал на него кафтан, знак султанской милости, новый воевода в сопровождении членов Дивана шел в патриарший кафедральный собор, где его ожидал сам патриарх с многочисленной свитой. В соборе служился торжественный молебен по чину вступления на престол византийских императоров. Только после этого, спустя день или же большее количество времени, господарь совместно с 12 ближними боярами отправлялся на аудиенцию к султану. Стреножив коней у ворот дворца Топкапы, князь со своей свитой в сопровождении драгомана (139) Порты и янычар пересекал внутренний двор и первую залу дворца. Войдя во вторую залу, он должен был отведать чорбу (суп) из общего котла янычар, после чего облаченный в господарские одежды, что помимо молдавского и валашского князей позволялось лишь крымскому хану и великому

визирию, в головном уборе, именуемом «кука», со страусиными перьями в серебряной оправе, прикрепленными бриллиантовой брошью, он, сопровождаемый четырьмя доверенными боярами, входил в залу, где на малой софе возлежал султан. Князя вели под руки два янычарских офицера, впереди него шел великий априод (140) Порты, замыкал шествие великий драгоман. Совершив троекратный поклон, господарь останавливался в центре зала в ожидании обращения к нему султана. Правитель империи разговаривал с князем не напрямую, а через своего великого визиря. «Верность и любовь твоя без лукавства к нашему величеству побуждают меня воздать по заслугам, дав тебе княжество Молдавское. Да не ослушаешься ты во веки веков слова и воли нашей, да защитишь и обережешь вверенную тебе землю и не нарушишь клятвы верности и святости повелений» (141).

В ответ на обращение султана господарь должен был произнести по-гречески или же по-турецки следующие слова: «Клянусь жизнью и собственной головой ревновствовать всеми силами, служить праведнейшему и великому султану, покуда Его Величество не отведет благостного взора от нижайшего слуги своего» (142). После завершения аудиенции господарь возвращался к себе домой, сопровождаемый с обеих сторон султанскими стражниками, — почет, которым не пользовался даже великий визирь.

Согласно установившемуся ритуалу, спустя месяц после аудиенции у султана князь должен был покинуть столицу Османской империи и отбыть в Яссы. Проводы господаря также были обставлены с большой помпой. Впереди процессии выступали два полка турецкой пехоты, за которыми шли греки-носильщики, переодетые в молдавскую национальную одежду. Вслед за ними маршировала господарская стража под началом аги, на которого возлагалось обеспечение безопасности и защиты купцов и путешественников мусульман, пребывающих в Молдавском княжестве. Шествие продолжали отряды наемной кавалерии и пехоты, состоящие из литовцев, поляков и албанцев (арнаутов), за которыми следовали управители страны. Вслед за ними под защитой двух стражников шел господарь в княжеской мантии и шапке. Его сопровождали второй меченосец, несший саблю и секиру, и вэтавул (143) господарского Дивана с княжеским луком и колчаном стрел. Процессия, которую замыкали молдавские бояре, растягивалась на многие сотни метров.

На наш взгляд, только эта церемония отбытия из Константинополя, ввиду военного времени, была исключена из ритуала посвящения Д. Кантемира в господари Молдавского княжества. В остальном же все было осуществлено согласно установившейся традиции. По-

лучив благословение Константинопольского патриарха и султанский фирман, Д. Кантемир покинул берега Босфора и уже 10 декабря прибыл в Яссы.

* * *

Торжественная встреча новоизбранного господаря произошла при въезде в столицу Молдавского княжества. Под приветственные крики горожан и жителей окрестных сел, звуки труб и бой барабанов, в сопровождении боярства, духовенства и служилых людей, он въехал в Яссы и проследовал к церкви Святого Николая. Там митрополит Сучавский Гедеон II отслужил торжественную литургию в честь восшествия на престол нового господаря Молдовы. Выбор церкви Святого Николая в качестве первого места посещения столицы был отнюдь не случаен. В первую очередь, Д. Кантемир являлся одним из активных пожертвователей этой церкви. Помимо этого, там был погребен его отец — князь Константин Кантемир (144). После посещения церкви господарь с сопровождающими его боярами отправился в княжеский дворец, где был зачитан султанский фирман о постановлении Д. Кантемира на княжение и приведены к присяге на верность ближние бояре и служилое дворянство (145).

Вскоре после церемонии вступления в должность молдавской господарь сформировал диван — высший исполнительный орган княжества. Помимо бояр и служилых людей, зарекомендовавших себя преданной и верной службой семейству Кантемиров еще со времен воеводы Константина, таких как Илие Моцок — великий житничер и Савин Змучилэ — великий бан, князь ввел в состав Дивана представителей нового поколения, каким являлись Ион Некулче, женатый на племяннице Д. Кантемира, Илие Катарджи, Павла Ружину и др. (146).

С целью привлечения на свою сторону представителей молдавского боярства он освободил их от выплаты налога — десятины. Подобного рода послабления он ввел и для других социальных слоев населения. На четверть был сокращен «бунчужный налог» (около 3 тыс. золотых), который традиционно взимался в пользу новоприбывшего князя (147). Наряду с попытками склонить на свою сторону бояр и служилое сословие Д. Кантемир предпринимает определенные действия с тем, чтобы заручиться поддержкой церкви.

Буквально через неделю после утверждения на господарском престоле он заключает соглашение с иерусалимским патриархом

Хрисантом Нотара, которое регламентировало правовые и экономические аспекты взаимоотношений патриархата и приклоненных Гробу Господню монастырей Молдовы. Согласно этой договоренности под юрисдикцию княжества были возвращены одни из наиболее богатых и значимых монастырей, такие как Бистрица, Тазлэу и Пробота, в то время как в подчинении патриархата сохранились лишь некоторые из них, расположенные в Яссах (Галата, Четэчуя, Св. Саввы, Барновски и Бырнова) и Святого Георгия в Галаце (148). Отдельными актами господарь освободил приклоненные монастыри от уплаты многочисленных налогов, установив им ежегодную фиксированную плату, поступавшую в казначейство страны.

Взойдя на молдавский престол, господарь находился в напряженном ожидании султанского приказа «схватить и доставить живым ко двору» (149) своего многолетнего недруга господаря Валахии. Однако время шло, а вместе с ним уходила надежда расправиться с К. Брынковяном и занять его место. Другим неожиданным «сюрпризом» со стороны Блистательной Порты явилось повеление «поднести без отлагательства султану и великому визирю обыкновенного подарка в благодарность за его возвышение на княжество» (150). Кроме того, сверх установленных податей на Д. Кантемира возлагалась обязанность закупки хлеба и дров на содержание турецкого гарнизона Бендерской крепости (151). Помимо экономических молдавский князь получил и политические наказания — «никоим образом и никакими действиями не турбовать своих соседей» (152).

Почувствовав себя преданным высокими покровителями из Константинополя, Д. Кантемир счел себя свободным от принятых ранее обязательств и клятв, принесенных султану, и стал искать иные пути и возможности реализации своих честолюбивых целей.

Зимой 1711 года князь устанавливает тайные связи с царскими эмиссарами — Саввой Лукичом Владиславлевичем-Рагузинским и Григорием Поликала — своими старыми стамбульскими знакомыми. Увлеченные идеей всеобщего антиосманского выступления православных народов Балкан и Дунайских княжеств под эгидой России, они склоняют господаря к тайному союзу с Петром I. В течение января-февраля 1711 года эмиссары Д. Кантемира неоднократно посещали Москву и Санкт-Петербург, доставляя ко двору российского монарха корреспонденцию молдавского господаря. В одном из посланий содержались условия перехода княжества под протекторат России и оговаривались гарантии предоставляемые князю в случае неудачного завершения войны. Предложения господаря были приняты и детально изучены царской канцелярией. В результате 13 апреля 1711 г. в Луцке

за подписью Петра I и канцлера Г. Головкина был составлен диплом, в котором были подтверждены гарантии и обязательства России в отношении Молдавского княжества и самого Д. Кантемира.

По мере приближения к границам Молдавского княжества русское командование ощущало в полной мере отсутствие объективной и полной информации о неприятеле. Все чаще и активнее оно стало использовать молдавские полки в разведывательных партиях «для поиску неприятеля», сбора информации о его расположении, численности и планах действий. Так, 22 мая 1711 года в русский лагерь возвратился Браславский полковник Григорий (Григораш) Иваненко, который несколькими днями ранее «был послан в партию со своими волохи под Бендер, где король шведский обретається» и привел двух языков (153).

Спустя два дня для сбора информации о силах неприятеля и его месторасположения была выслана «новая партия волохов, совместно с отрядом драгун» (154). Выполняя задание командования, им все чаще приходилось сталкиваться с «летучими» отрядами татар, запорожцев и поляков сторонника лишённого престола короля Станислава Лещинского, Раввского старосты Яна Грудзиньского (ум. в 1735 г.). Одна из таких стычек произошла 25 мая, в результате которой подчиненные Иваненко наголо разбили партию татар «и многих из них взяли в полон и привели к войску Шереметева» (155). Однако уже на следующий день «сами они — волохи, насили ушли» под защиту русских полков от преследования превосходящих сил противника (156).

Уже на пути следования к молдавской границе, 17 мая 1711 года, русским генералитетом были обнародованы и распространены царские манифесты, призывавшие на службу «военно-служилых молдаван, полковников, ротмистров, хорунжих» с выдачей им патентов и определением жалования и дневных рационов (157). Реакция на обращение была незамедлительной. Уже 25 мая к обозу фельдмаршала Б.П. Шереметева прибыли из Яворова «с рекомендательными письмами от канцлера графа Г.И. Головкина два человека шляхты молдавской — Абаза и Мерескул», которым было «учинено полковничество и для сбора людей дано 300 рублей» (158). Спустя два дня, 27 мая, в ставку Б.П. Шереметева, также по рекомендации канцлера, прибыл другой молдавский шляхтич — Павел Ружина, которому по примеру первых было «учинено полковничество и для сбора людей дано 100 рублей» (159). Патенты на полковничий чин и царское жалование, а также «деньги для сбора людей» получили пыркэлаб (160) и «господарский сродник Александр» (161).

28 мая 1711 года в русский лагерь расположенном у местечка Рашков на Днестре, одновременно с военно-служилыми людьми Молдавского княжества, прибыли капитан Прокопий и ага Дмитрий, посланники господаря Д. Кантемира. Они передали фельдмаршалу Б.П. Шереметеву письменную просьбу князя «немедленно прислать 3 тысячи конницы доброй в Яссы...» для защиты от ожидаемого нападения татар и турок, да и «самому (Б.П. Шереметеву. — *В.Ц.*) как можно скорее поспешать» (162). Фельдмаршал не замедлил с ответом и уже на следующий день послал к Яссам трехтысячный корпус бригадира Г.И. Кропотова, в состав которого, помимо Нижегородского, Казанского и Невского драгунских полков и двух гренадерских рот, входил молдавский легкоконный полк Филиппа Апостола-Кигеча (163).

В переданной бригадиру инструкции Б.П. Шереметев наказывал «в пути своем команду содержать в поведении добром и объявить всем, дабы волохам не токмо кто обиды не чинил, но и безденежно ничего не брал под (наказанием) потеряннем живота (т.е. смертной казни. — *В.Ц.*), а ежели кто какую обиду покажет, тогда не отписываясь к нам, учинить экзекуцию по важности дела» (164). Вместе с этим всему личному составу корпуса предписывалось «хлеб на полях в пути отнюдь не топтать, садам никакого повреждения не чинить, из городов никого не обижать... и с народом волосским всякие отличные и обходительные поступки без озлоблений и с дружелюбием иметь» (165).

Миновав селения Утитешты, Гейголоды и Могорены (166) корпус в течение четырех дней преодолел около 100 километров и 1 июня подошел к селу Загаранча на реке Прут (167). Там он переправился на противоположный берег, где был встречен молдавским господарем с сопровождавшими его боярами и служилыми людьми, которые «зело за счастье приняли приход тех полков» (168).

Следуя просьбе Д. Кантемира, бригадир Г. Кропотов расположил свой корпус в полумиле (около 3–4 км) от Ясс. Но уже на следующий день он во главе нескольких полков въехал в столицу княжества, торжественно встреченный ее жителями, духовенством и господарем (169).

Прибытие авангардных частей русского войска придало Д. Кантемиру больше решимости и смелости в своих действиях. В день торжественной встречи в Яссах по всему Молдавскому княжеству были разосланы грамоты господаря, предписывавшие мужскому населению, «дабы собиралися и вооружалися и пришли к монаршеским войскам под команду до 15 числа сего месяца (июня. — *В.Ц.*), а кто не придет, числиться будет отлучен от своих маестностей, и будут объ-

явлены изменниками и мечем и огнем порублены... и будут преданы суду не токмо мирскому, но и церковному проклятию» (170).

Появление русской армии в княжестве и провозглашенные манифесты вызвали стремительный рост антиосманских сил и подъем патриотических чувств у населения Молдовы. Свидетель и активный участник описываемых событий Ион Некулче отмечал в своей «Летописи земли Молдавской», что в ряды российских войск прибывали многие жители Оргеевского, Сорокского и Лэпушнянского цинутов, поднявшиеся против османского владычества (171). Сам фельдмаршал в реляциях к царю доносил, что «волохи к нашим (войскам. — В.Ц.) непрестанно приходят... и последние мужики служить желают» (172).

В день, когда к Яссам был отправлен корпус Г. Кропотова, основные силы войска Б.П. Шереметева завершили переправу через Днестр у селения Рашкова и 30 мая выступили к молдавской столице. Однако в отличие от передового отряда их путь проходил южнее, для того чтобы прикрыть движение корпуса от внезапных нападений татар и запорожцев (173). Разумность и предусмотрительность этого маневра подтвердили вскоре многочисленные столкновения легкоконных частей русского авангарда: молдавских, украинских и донских казачьих полков с легкоконными партиями неприятеля (174).

Пройдя через селения Пришанец, Додурош и миновав урочище Кули, войско Б.П. Шереметева достигло берегов Прута и стало лагерем близ урочища Цуцора (175). На следующий день в ставку фельдмаршала «для совершения консилиии» прибыл со своими ближними боярами Д. Кантемир. Более трех дней продолжался военный совет, на котором были обсуждены многочисленные вопросы и планы действий предстоящей кампании. Наибольшее беспокойство русского генералитета вызывала неготовность княжества к снабжению армии провиантом и фуражем, а также состояние и боеспособность молдавского войска.

Еще до вступления русских войск в Молдавское княжество Д. Кантемир предупреждал фельдмаршала о том, что «провиантом, наипаче хлебом, вся земля (молдавская. — В.Ц.) вельми скудна и голодна, ибо сего года не родилось, а что мало у кого, тот бережет для себя, только скота сыщем довольно» (176). В подтверждение последнего молдавский господарь по прибытии в Яссы Б.П. Шереметева «подарил русской армии 70 тысяч овец и 6 тысяч голов рогатого скота» (177).

Вместе с этим в княжестве велось заготовление новых партий скота для русских и молдавских войск, для приобретения которых фельдмаршал передал Д. Кантемиру 30 кошелей золота (178).

Вопреки ожиданиям медленными темпами шло формирование господарского войска, так как к приходу авангардных частей русской армии Д. Кантемир смог присоединить к ним лишь четыре тысячи воинов вместо обещанных десяти (179). Однако господарь заверил Б.П. Шереметева в том, что «в течение двух недель он укрепит свое войско еще 6 тысячами человек» (180).

Полученное к тому времени известие о переправе через Дунай турецко-татарских сил, малочисленность собственного корпуса, которому из-за отсутствия пехоты Д. Кантемир не советовал выступать в поход, а также ощутимый недостаток в хлебе и фураже, имевшихся в «княжестве едва на три дня» (181) заставили Б.П. Шереметева прервать дальнейшее продвижение к Дунаю и остановиться у Цуцоры в ожидании подхода главных сил (182). Здесь, по «рассуждению консилиии», надлежало приступить к созданию продовольственных магазинов, «а между тем, около сих мест над Прутом малые марши вниз имети... и на пищу здешнему детаменту и на пехоту следующую, что можно собрать» (183). Вскоре для осуществления этого плана «по совету генеральному была отправлена партия драгун подполковника Давыдова» с приданными ей отрядами казаков и молдаван «к урочищу Фальча и Кигеч для поиску неприятеля и приобретения у волосских бояр некоторого числа скотины» (184). Через некоторое время, по предложению Д. Кантемира, «к преждепосланным от фельдмаршала партиям были отправлены еще 200 волохов Ф. Апостола-Кигеча, ради проведывания» (185).

Переход корпуса Б.П. Шереметева на правый берег Прута и медленное продвижение его к югу от Ясс заметно активизировало столкновения передовых частей с отрядами татар. Один из наиболее напряженных и кровопролитных боев с начала кампании произошел в 15 километрах от столицы княжества 19 июня 1711 года. Тогда 15-тысячной татарской ордой был атакован разведывательный отряд русской кавалерии, в составе которого находился полк Г. Иваненко. Стойко и мужественно противостоя превосходящим силам, они нанесли неприятелю значительный урон, однако и сами понесли большие потери. На поле брани пало 280 драгун и 60 рядовых молдавского полка, около 100 молдаван получили ранения различной тяжести, несколько десятков человек, среди которых подполковник Гренадерского драгунского полка Питц и один драгунский капитан, попали в плен к татарам (186). В том бою с отменной храбростью дрался полковник Г. Иваненко. Будучи раненный саблею в плечо, он не покинул поля боя, продолжал командовать полком. Героический подвиг совершил штандарт-юнкер молдавского полка Ион Мунтянов, который ценою собственной жиз-

ни спас полковое знамя (187). Только с прибытием на выручку полуторатысячного кавалерийского отряда бригадира Сенцова татары были отбиты и «отступили, потеряв в два раза больше, нежели наши» (188).

Одновременно с описываемыми событиями в Яссах быстрыми темпами шло формирование княжеского войска. В набираемые Д. Кантемиром полки записывались сотни добровольцев, среди которых, помимо представителей военно-служилого сословия, значительную часть составляли горожане, ремесленники, крестьяне и бежавшие от своих владельцев слуги (189). Уже к двадцатым числам июня под княжескими знаменами находилось 17 полковников и 170 ротмистров с хоронгвами, общей численностью около 7 тысяч человек (190). С этими силами молдавский господарь влился в русскую армию, ставшую лагерем у реки Прут 23 июня 1711 года.

В тот же день, после торжественной встречи молдавского господаря и российского монарха, состоялось заседание военного совета, на котором были рассмотрены многочисленные вопросы организации и обеспечения войск, а также планы дальнейших действий кампании. Одним из наиболее важных пунктов, вызвавших бурную дискуссию совета, явилось обсуждение письма господаря Валахии Константина Брынкована, доставленное в лагерь Г. Кастриотом, его специальным посланником. В нем сообщалось о готовности турецкого султана начать переговоры с царем, не прибегая к военным действиям (191).

В настоящее время в кругах историков, исследующих данную проблему, факт попытки османского двора урегулировать конфликт с Россией мирным путем не вызывает сомнений (192). Однако в тот период выжидательная позиция и двойственная политика валашского господаря, затягивание выполнения взятых им прежде обязательств о присоединении своих войск к армии Петра для совместного выступления против Порты, а также неисполнение договоренностей о поставках в русский лагерь провианта и фуража подрывали доверие царя к господарю и его посланцам. Недоверие Петра I к К. Брынковану еще более упрочилось благодаря наветам на валашского господаря со стороны его явных и тайных недругов как в Молдавии, так и в самой Валахии (193). Последние, недовольные правлением К. Брынкована, провели в деревне Гура-Урлацилор по инициативе Анфимия Иверяну тайное совещание, на котором приняли решение направить к царю своего представителя — руководителя валашского войска, великого спатаря Тому (Фому) Кантакузино. Через него недруги К. Брынкована намеревались передать российскому монарху достоверные сведения, обличавшие двуликий характер политики господаря и лживость его обещаний (194).

Однако не все валашское боярство было согласно с решениями, принятыми в Гура-Урлацилор. Так, в частном послании к полковнику Константину Туркульцу валашский стольник Константин Кантакузино сообщал что «его дело (т.е. отъезд Тома Кантакузино к Петру I в Яссы. — *В.Ц.*) мы не одобряем, ибо без времени сделал» (195). Вместе с Томой Кантакузино из Валахии к Пруту выехал полковник с восьмью ротами легкой кавалерии с целью присоединения к русской армии (196). Прибытие великого спатаря с письмами валашских бояр в адрес Петра I определило отношение российского командования к сообщению К. Брынкована. Военный совет отверг предложения турецкой стороны о разрешении конфликта путем мирных переговоров. После этого участники совета перешли к рассмотрению плана дальнейших военных действий. Из внесенных на обсуждение предложений предпочтение было отдано плану генерала К.-Э. Ренне (197). Суть его заключалась в том, что русским и молдавским войскам надлежало вступить в пределы Османской империи, «в области греческие», которые «готовы... возмутиться по примеру молдавского господаря» и ожидают лишь появления царских войск (198). В тех же землях, по мнению генерала, надлежало найти необходимые запасы провианта и фуража.

По «воспринятой» по этому предложению резолюции военного совета предлагалось «генерала К.-Э. Ренне с корпусом кавалерии отправить к реке Дунаю против паланки (крепости. — *В.Ц.*) Браилова, дабы он в тамошних местах неприятелю военную диверсию учинил» (199). Веским аргументом в пользу предложения К.-Э. Ренне явилось сообщение Т. Кантакузино о том, что Браильская крепость, располагая относительно небольшим гарнизоном, занимает важное стратегическое положение для ведения успешной войны с османскими войсками, а также тем, что за ее стенами собраны значительные запасы провианта и фуража (200). Занятие Браилы, убеждал он Петра и членов совета, приведет ко всеобщему выступлению валашского народа и склонит колеблющихся бояр, в том числе господаря с его войском, к «стороне преславного царского величества».

Наряду с вышеозначенным Т. Кантакузино сообщал о готовности присоединения к русскому войску 18 тысяч сербов, якобы задержанных К. Брынкованом на границах княжества (201). Приведенные Т. Кантакузино сведения нам представляются достаточно далекими от истины, поскольку, во-первых, предводители сербов из империи Габсбургов в секретной корреспонденции с Петром I обещали отправиться на соединение с русской армией не 18, а только 10 тысяч человек (202). Во-вторых, продвижению сербов из пределов Габсбург-

ской монархии на соединение с русской армией препятствовал не господарь Валашского княжества, не обладавший для этих действий достаточной военной силой, а сами имперские власти (203). Окончательное решение о командировании конного корволанта генерала К.-Э. Ренне к Браиле было принято только 29 июня (204). Общее его количество составляло около 11 тысяч человек, среди которых значилось 5600 регулярной кавалерии и более 5 тысяч молдаван и валахов, возглавляемых Т. Кантакузино.

Накануне выступления на Браилу Тома Кантакузино был произведен в генерал-майоры русской армии и награжден портретом Петра I, усыпанным бриллиантами, стоимостью 1 тыс. рублей (205). Перед корпусом стояла задача овладеть крепостью, запастись провиантом и следовать к Галацу. Там генералу К.-Э. Ренне предстояло соединиться с главными силами и, «устроив магазейны (продовольственные и фуражные склады. — *В.Ц.*), искать неприятеля» (206).

В то время, когда решалась судьба «диверсии корпуса К.-Э. Ренне к Браиле», первым испытаниям подверглись боевые качества русско-молдавских объединенных сил. По решению генералитета 23 июня все украинские и донские казачьи, а также молдавские легкоконные полки русской армии «и господаря волоцкого волохи с гетманом (Ионом Некулчей. — *В.Ц.*)» отправлены были в партию на татар, которые в Саратовской долине стояли... и важно на них нападение учинили» (207). На следующий день после удачно завершившегося боя «все нерегулярные, которые были посланы на татар» благополучно вернулись в русский лагерь (208).

Тогда же, 24 июня 1711 года, дворянство, духовенство и простые жители молдавской столицы торжественно встречали царя и его многочисленную свиту. Наиболее красноречиво прибытие Петра I в столицу Молдавского княжества описал активный участник этих событий П.П. Шафиров. В своем походном журнале он сделал следующую запись: «...В 24 день (июня 1711 г. — *В.Ц.*) Его Величество изволил итти с ближними людьми своими в волоцкий город Яссы, от реки Прута с 2 мили, в котором господарь живет, и был (там. — *В.Ц.*) 24, 25 и до полудни 26 числа, куда приехал от войска своего и господарь волоцкой Кантемир, прежде прибытия Его Царского Величества. И встречал оной Его Царское Величество, також государыню царицу жена его (Кассандра Кантемир. — *В.Ц.*) с детьми за городом. Оной господарь человек зело разумной и в советех способной. В бытность же Царского Величества в Яссах, тот господарь с женою и с домом Его Царское Величество трактовал (принимал. — *В.Ц.*) изрядно, и стоял Великий Государь в доме его господарском. Туда ж, в Яссы, приехал

из Мултянской земли великий спафарий Фома Кантакузин с объявлением своей и всего мултянского народа к Его Царскому Величеству верности, что коль скоро войска Его Царского Величества к ним приблизятся, то они тот час к оному пристанут. А о господаре мултянском сказывал оной, что он (К. Брынковяну. — *В.Ц.*) паче чаяния в подданстве Его Царского Величества весьма надлежит и некоторые отговорки оттого и несклонность являет, понеже зело богат и не хочет себя в трудности и опасность отдавать. Хотя и от него (К. Брынковяна. — *В.Ц.*) прислан с некоторыми предложении, прежде бывший на Москве, Георгий Кастриот. Чего ради, помянутой Фома, с согласия тамошнего народу, без ведома его господарского, оттуду (из Мултянской земли. — *В.Ц.*) тайно отлучась, сюда прибыл...

...Того ж 26 дня, после осмотра армии, с вечера против 27 числа, отправлено всеночное пение. А в 27 числе — святая литургия и благодарственный молебен за дарованную от Бога над неприятелем Его Царского Величества королем шведским под Полтавою прошлого 1709 года викторию. Чего ради, вся инфантерия поставлена была в строю в цыркуль около церкви с ружьем. По совершении же Святой литургии и молебного пения, была единократно из 60 пушек и от всей инфантерии из мелкого ружья залфом стрельба. При том же всем был и волосский господарь со знатными людьми своими и приехавший из Мултянской земли Фома Кантакузин. Тако ж волосский митрополит с монахи. И по окончании вышеозначенной всей церемонии ему, господарю, показывано было все войско. И был он со всеми людьми своими на обеде у Царского Величества, где зело довольно трактован. А митрополит с монахи ели у государственного канцлера графа Головкина, которого трактовал секретарь Царского Величества господин Степанов.

В 28 день отправлен генеральный воинский совет у государственного канцлера, о воинских действиях против неприятеля. На котором совете, между иными делами определено послать несколько полков драгунских под командою господина генерала К.-Э. Ренна и бригадира, яко (ныне. — *В.Ц.*) генерал-майор, Чирикова в Мултянскую землю, понеже мултянский господарь Константин Бранкован приступлением (присоединением. — *В.Ц.*) с войском своим к стране (стороне. — *В.Ц.*) Царского Величества медлит и чинит отговорки, которым по указу Его Царского Величества велено тамошний народ приводить, дабы они, яко и волохи, приступили к великому государю и против неприятеля и врага креста Господня, турецкого солтана и его подданных бусурман, обще с войски Его Царского Величества, воевали. Такжеде старались по должности христианской ради пропитания войск его го-

сударских получить как от бусурман, так и в своей земле довольное число провианту. И отправлены вышеозначенный генерал и бригадир того ж числа. О чем к мултянскому народу посланы от его Царского Величества универсалы за подписанием Его Величества собственнй руки и печатью...» (209).

Завершив комплектование господарских полков, все определенные в поход войска, за исключением оставленных на Днестре для обороны границ, а также в крепостях Сорока и Яссы, ко 2 июля переправились на правый берег Прута. По окончании переправы армия, предварительно разделенная на три колонны, возглавляемые фельдмаршалом Б.П. Шереметевым, генералами Янусом фон Эберштетом и Н. Репниным, стала медленно спускаться к Фальчи (210). Быстрому продвижению войска значительно препятствовали многочисленные обозы с домашним скарбом, семьями и прислугой офицеров и генералитета. Лишь 6 июля войска достигли реки Васлуй и переправились через нее у мельничной запруды близ селения Герла (211). Только тогда, а не 31 июня, как отмечено в воспоминаниях Моро де Бразе (212), корпус генерала К.-Э. Ренне «марш свой восприял в местечко Бырлад и далее... к паланке Браила» (213). Отправляя корпус К.-Э. Ренне к границам валашского княжества, русское командование руководствовалось прежним планом. Армии необходимо было двигаться к Фальчи и занять ее до прихода туда турок, тем самым не допустив их переправы на правый берег Прута. В то же время К.-Э. Ренне надлежало, взяв Браилу, совместно с ожидаемыми валашскими и сербскими войсками ударить в тыл турецкой армии (214). Однако последующие события внесли существенные коррективы и изменения в утвержденные генералитетом планы кампании.

Уже к вечеру 7 июля русскому командованию стало известно о приближении неприятеля к Пруту и намерении форсировать его. Тогда же был отдан приказ авангардному корпусу генерала Януса разрушить мосты через реку у местечка Ветрисоае и не допустить переправы турок через Прут (215). Исполняя данное приказание, Янус собрал корпус из тысячи драгун, 500 молдаван и нескольких отрядов донских и украинских казаков и приблизился к реке (216). Однако, увидев наведенные там мосты и начавшуюся переправу превосходящих сил неприятеля, не решился оказать ему сопротивление. В лагерь главных сил русской армии был отправлен подполковник Фейт с сообщением о случившемся и просьбой передать распоряжения об их дальнейших действиях (217). Получив приказ об отходе, Янус поспешил под прикрытие главных сил. В то же время, в турецком лагере, разбитом на противоположной стороне реки, с большим опасением

ожидали нападения русского корпуса. Страх перед неприятелем был столь велик, что турецким караулам стали мерещиться наступающие русские полки. Поднятая ими тревога внесла смятение и панику в ряды турецких и татарских войск (218), приостановив их переправу через Прут. Сколь же велико было удивление турок утром следующего дня, увидевших на противоположном берегу лишь следы российского авангарда. Тотчас разрозненные отряды турецкой кавалерии и буджакских татар бросились преследовать отступающих. Перед корпусом генерала Януса уже виднелся главный лагерь, когда он был достигнут неприятелем. Завязался тяжелый и кровопролитный бой, стоивший обеим сторонам больших потерь. Однако вопреки натиску наступавших турок и татар корпус продолжал медленно отходить к лагерю, откуда ему навстречу было выслано подкрепление. Спешившие на помощь Янусу войска были составлены из четырех тысяч человек инфантерии и такого же числа воинов господарского войска (219). Выдвинутые впереди пехотных полков, первыми в бой вступили молдавские отряды. Одну за другой в течение трех часов отбивали они атаки турецкой и татарской кавалерии, однако под напором превосходящих сил врага вынуждены были отойти под прикрытие русского лагеря (220). Вступившие в бой пехотные полки остановили наступающего противника и ружейным огнем вынудили его ретироваться. Не возобновляя атаки на позицию русских войск турки приступили к сосредоточению собственных сил. В это время происходили лишь отдельные и непродолжительные столкновения казачьих и молдавских легкоконных полков с разведывательными отрядами татар и спахов (221). Полковник Ф. Апостол-Кигеч, принимавший активное участие в авангардных операциях, в одной из стычек с неприятелем был ранен в руку (222). Отражая атаки турецкой и татарской конницы, сбивая неприятельские караулы и заслоны, осуществляя разведывательные рейды и нападения на вражеские пикеты и посты, молдавские воины из полков Ф. Апостола-Кигеча, Василия и Антона Танских, а также полков молдавского господара неоднократно приводили в русский лагерь захваченных «языков» (223). Так, 8 июля, невдалеке от расположения главных сил, был «пойман от партии волохского Танского полку от волохов татарин буджакской орды», который дал ценные сведения о количестве неприятельских войск, их состоянии, настроении и боевом духе (224).

Осознав бесполезность дальнейшего продвижения к Фальчи, Петр I принял решение возвратиться к Яссам. Однако войско, отягощенное и скованное огромным обозом, испытывающее недостаток в фураже и хлебе, беспрестанно томимое наскоками турецко-татарской

конницы, смогло продвинуться лишь до селения Хушь, где стало укрепленным лагерем (225). Там 9 июля оно было настигнуто и окружено превосходящими силами неприятеля (226).

Оказавшись в крайне затруднительном положении, царь совместно с генералитетом начали активные приготовления к обороне. Укрепленный лагерь был построен в виде неправильного треугольника, основанием которого служил правый берег Прута. Вершиной он был обращен к неприятелю. Правый фланг — северная сторона, была защищена топким болотом, а левый — южная сторона, не имеющая естественных преград, была укреплена полковой артиллерией. Внутри лагеря, под прикрытием войск и плотно поставленных повозок, карет и возов был установлен царский шатер. Рядом с ним размещался резерв армии: лейб-режимент, один драгунский и сводный пехотный полки, украинские казачьи части полковников Кутейкина, Л. Леонтьева, С. Михайлова, Никифора Иванова, Михаила Тимофеева, волошские легкоконные полки российской армии и господарское войско Дмитрия Кантемира (227). По нашим подсчетам, общая численность войск, сосредоточенных в осажденном лагере, насчитывала не менее 45–47 тысяч человек (228).

В то время как производилось укрепление лагеря рогатками и шанцами, был оглашен приказ о раздаче по полкам «ядер, бомб, гранат... пуль свинцовых... пороху пушечного и ручного...» (229). Не успели завершиться оборонительные работы, как тысячи янычар и спагов, не дожидаясь приказа великого визиря, начали штурм русских позиций. Одна за другой были проведены три яростные атаки, не давшие нападавшим желаемого результата. Неся значительные потери, турки каждый раз были вынуждены отходить на исходные позиции (230). Уведомившись о случившемся, великий визирь Балтаджи Мехмет-паша отдал войскам распоряжение немедленно отойти назад и заняться приготовлением окопов (231). Однако вопреки его распоряжениям только глубокой ночью прекратились атаки русских укреплений и «пушечная стрельба с обеих сторон» (232). Но лишь едва над Прутом занялась заря нового дня, над осажденным лагерем с новой силой разразилась канонада турецкой артиллерии. Это в дело вступили большие полевые пушки, доставленные турками накануне по совету шведских инструкторов (233). Производимая ими с близкого расстояния прицельная стрельба наносила обороняющимся ощутимый урон. По подсчетам российской стороны общее количество погибших от бомбардирования составило 2856 человек (234). В окруженном со всех сторон лагере день ото дня ощущимее становился недостаток в провианте и особенно в фураже, «отчего лошади себе хвосты и гривы

объели и к службе мало пригодны стали» (235). Но что хуже всего — армия начала испытывать недостаток в боеприпасах (236).

В создавшейся критической ситуации Петр I провел последнее за период Прутской кампании военное совещание, на котором обсудил план дальнейших действий окруженной армии. Заманчивым, но в то же время чрезмерно рискованным было предложение князя Д. Кантемира оставить в лагере обоз под защитой трех пехотных полков и шеститысячного сводного молдавско-казацкого корпуса, возглавляемого В. Танским, а остальными силами атаковать и сбить неприятеля (237). Однако при отсутствии достаточного количества собственной кавалерии, способной противостоять турецко-татарской коннице, Петр I не считал возможным приступить к реализации предложенного плана.

После долгих колебаний и раздумий, царь отправил к великому визирю предложение заключить 48-часовое перемирие для проведения переговоров «о вечном мире». Получив удовлетворительный ответ турецкого визиря, царь отправил в ставку Балтаджи Мехмет-паши вице-канцлера П.П. Шафирова «с надлежащими полномочиями, для трактования о мире» (238). Петр I и его советники небезосновательно опасались того, что турки наряду со своими условиями выдвинут требования, отстаивающие интересы шведской стороны, поэтому он предписал вице-канцлеру «ради мира» идти на любые территориальные уступки, начиная с Лифляндии, кончая Псковом. Царь готов был пожертвовать и другими землями России, за исключением Ингрии, а также признать Станислава I королем Речи Посполитой (239).

Вопреки опасениям, в турецком лагере П.П. Шафирова встретили почетным караулом, оказав торжественный прием. По обеим сторонам пути следования к шатру великого визиря в строю стояла конная гвардия — сипахи с притороченными к наверх пик красными и синими флажками. В стороне от ставки Мехмета Балтаджи-паши российскому послу был отведен отдельный шатер.

Во время переговоров огонь прекратился с обеих сторон. Войска замерли в тревожном ожидании. Только после полудня барон П.П. Шафиров вернулся в русский лагерь, представив Петру I следующие условия подписания мирного договора, на которые были согласны турки:

1. Отдать крепость Азов.
2. Разрушить новопостроенные крепости Таганрог, Каменный Затон, Новобородицкое.
3. Вся артиллерию из Каменного Затона передать турецкой стороне.